

Павло Макрушенко

**ОБЫЧНЫЙ
РАБОЧИЙ
ДЕНЬ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ПРОЧТИ, ТОВАРИШ!

«НЕЛЬЗЯ РАССМАТРИВАТЬ КАЖДЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В. И. ЛЕНИНА ИЗОЛИРОВАННО, КАК БЫ ОТГОРОЖЕННЫМ НЕПРОНИЦАЕМОЙ ПЕРЕГОРОДКОЙ ОТ ПРЕДЫДУЩИХ И ПОСЛЕДУЮЩИХ ДНЕЙ И БОЛЬШИХ ВОПРОСОВ И ЗАДАЧ, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЛИ ПАРТИЮ, СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЛЕНИНА КАК РУКОВОДИТЕЛЯ. ЕСЛИ ЭТИ ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ И НЕ ВЫЛИВАЛИСЬ В ДАННЫЙ ДЕНЬ В КОНКРЕТНУЮ ФОРМУ КАКОГО-ЛИБО ДОКУМЕНТА, ТО, НЕСОМНЕННО, ОНИ НЕ МОГЛИ ВЫПАСТЬ ИЗ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА, НЕ МОГЛИ НЕ ВОЛНОВАТЬ ЕГО».

Л. ФОТИЕВА,
секретарь СНК и СТО

СОДЕРЖАНИЕ

Утро	5
В кремлевском кабинете	6
Рабочий день начался	15
Беседа с «антоновцами»	34
Урал	47
Путиловский остановился	55
Посланды Сибири	62
Ночь	70

МАКРУШЕНКО ПАВЕЛ ИЛЬИЧ ОБЫЧНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Редактор Н. Огородникова Худож. редактор
Т. Добровольнова. Техн редактор Г. Ка-
чалова. Корректор Г. Жендарева

A013018. Сдано в набор 28/VII. 1969 г. Подписа-
но к печати 15/IX. 1971 г. Формат бумаги
60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Бум. л. 2,25.
Печ. л. 4,5. Условн. печ. л. 4,19. Уч.-изд. л. 4,05.
Тираж 100 000 экз. Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Отпечатано
с матриц типографии издательства «Знание» на
Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Ко-
митета по печати при Совете Министров РСФСР,
г. Электросталь Московской области, Школь-
ная, 25. Заказ № 2684.
Цена 13 коп.

УТРО

В КРЕМЛЕВСКОМ
КАБИНЕТЕ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ
НАЧАЛСЯ

БЕСЕДА С
«АНТОНОВЦАМИ»

УРАЛ

ПУТИЛОВСКИЙ
ОСТАНОВИЛСЯ

ПОСЛАНЦЫ
СИБИРИ

НОЧЬ

Павло Макрушенко

ОБЫЧНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Издательство «Знание»
Москва 1971

Макрушенко Павел Ильич
М-16 Обычный рабочий день
М., «Знание», 1971. 72 с.

На основании архивных материалов, воспоминаний современников и некоторых публикаций периодической печати автор рассказывает в этой книге о некоторых событиях одного рабочего дня В. И. Ленина.

День 2 февраля 1921 года взят потому, что сотрудникам Совнаркома удалось достаточно полно зафиксировать события этого обычного дня из жизни Владимира Ильича.

P2

7-3-2

№56-1971-15

УТРО

Зима 1921 года была на редкость холодной и снежной. На площадях и улицах лежали сугробы. По траншеям, пробитым в снежных завалах, медленно ползли одинокие автомобили. Голодным москвичам было не до расчистки улиц. Снег не убирали с начала зимы.

Наступил февраль, а зима лютовала пуще прежнего. В первый же день нового месяца на Москву обрушился буран. Порывистый ветер гудел в трубах нетопленных печей, рвал на столбах телефонные провода.

В то утро Ленин встал по обыкновению рано. Одеся. Накрыв постель клетчатым пледом — подарком матери, с которым не расставался с того памятного дня, когда Мария Александровна приезжала к нему в 1910 году в Стокгольм. То была их последняя встреча.

Завершив утренний туалет, Ленин взглянул на часы.

По случаю нездоровья почти весь январь Владимир Ильич был в отпуске, жил в Горках под Москвой. На отдых, как

всегда, оставалось мало времени. Он просматривал и подписывал документы, которые ему присылали с самокатчиками из Москвы, приезжал на заседания ЦК РКП(б), Совнаркома, Совета Труда и Оборона, принимал посетителей, слал срочные письма и телеграммы... Однако по утрам он обязательно гулял по саду, и это вошло в привычку...

Ленин спустился вниз, вышел на улицу.

Была на территории Кремля улица, состоявшая всего лишь из двух домов: с одной стороны здание Арсенала — между Никольской и Троицкой башнями, с другой стороны — треугольное здание бывшего Сената. В последнем размещалось правительствo. Там же на третьем этаже была и квартира Ленина.

В ранний час на территории Кремля безлюдно. Ленин прошел мимо белокаменного Архангельского собора, повернул в сторону колокольни Ивана Великого, направляясь домой. И неожиданно у царь-пушки увидел Ивана Чебанова.

— Доброе утро, товарищ Чебанов! А вы почему в такую рань уже на ногах? Не спится?

Вместо ответа Чебанов улыбнулся. Чекист понимал, что Ленину известно, почему он, Чебанов, уже на ногах и ходит следом. Чебанов, дежуривший у квартиры Владимира Ильича, вышел из дома Совнаркома сразу же вслед за Лениным. Он неназойливо и бдительно охранял главу государства.

Возле дома Совнаркома Владимир Ильич сказал Чебанову:

— Ну вот мы и пришли. Я зайду домой сниму шубу, а вы идите отдыхать.

В КРЕМЛЕВСКОМ КАБИНЕТЕ

Владимир Ильич посмотрел на часы. Было ровно девять утра. Он поздоровался с часовым и прошел в кабинет через дверь, ведущую прямо из коридора. Иногда через нее проходили к Ленину и самые близкие его товарищи, предварительно созвонившись с ним по телефону.

Другая дверь вела в кабинет через так называемую «будку» — комнатку, где был установлен коммутатор Кремля для телефонной связи с кабинетами и квартирами наркомов и членов ЦК, со штабами войск Красной Армии, с другими городами. Первое время в кабинете Ленина не было ни одного телефонного аппарата. Каждый раз для переговоров с кем-либо телефонистка приглашала его в соседнюю комнату — «будку».

Третья дверь вела в кабинет из зала заседаний, небольшой с двумя окнами комнаты, тоже имевшей вход через коридор. Стены комнаты были оклеены красными обоями. Здесь стояли два длинных стола, покрытых красными скатертями. Перпендикулярно к ним — стол председателя. Кресла были обиты красным плюшем. Поэтому в обиходе зал для заседаний называли Красным залом. В начале 1921 года между этим залом и такой же по величине соседней комнатой сломали стену, и получился большой зал для заседаний.

В нем располагался секретариат Совнаркома: Лидия Александровна Фотиева, ее помощница Мария Акимовна Володичева, стенографистка Мария Игнатьевна Гляссер и личный библиотекарь В. И. Ленина Шушаника Мкртычевна Манучарьянц. Владимир Ильич хотел, чтобы его помощники всегда были рядом.

Посетители проходили в кабинет Ленина через Красный зал.

Владимир Ильич любил свой кабинет и этот зал для заседаний. Здесь не было ничего лишнего. Он привык к обстановке и не разрешал ничего заменять.

Работники секретариата не раз предлагали Ленину занять под кабинет бóльшую и лучшую комнату в этом же здании, но каждый раз Владимир Ильич решительно отказывался, он привык к этому кабинету, к своим вещам и книгам.

Все простенки в кабинете были заняты книжными шкафами. Они стояли вдоль стен и в Красном зале. Большинство же книг со штампом «Библиотека Н. Ленина» находилось в комнате рядом с залом. Н. Ленин — один из псевдонимов Владимира Ильича Ленина.

Около письменного стола, справа и слева от него, стояли вращающиеся этажерки, которые Владимир Ильич называл «вертушками». На одной из них располагались материалы партийных съездов и конференций, «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», справочная литература, словари. На другой — папки с бумагами и документами, необходимыми для текущей работы; Владимир Ильич клал на нее также книги, которые намеревался в ближайшее время просмотреть. На двух этажерках позади письменного стола лежали переплетенные комплекты русских и иностранных газет, а на этажерке у окна — русские газеты за текущий месяц. Много книг было в кремлевской квартире Ленина и в Горках.

Только в рабочем кабинете хранилось около двух тысяч книг. А всего в каталоге личной библиотеки Владимира Ильича насчитывалось около десяти тысяч книг, брошюр, журналов, газет и других печатных изданий, в том числе свыше тысячи книг на английском, французском, немецком и других языках.

В личной библиотеке Владимира Ильича не было лишних и случайных книг. Все не нужное для работы он возвращал либо передавал публичным библиотекам. Отдельные книги, газетные и журнальные статьи Владимир Ильич часто посылал товарищам, рекомендуя ознакомиться.

Ленин рано подружился с книгой и всегда творчески использовал ее в своей работе. Даже когда находился более года в 193-й камере одиночного заключения Петербургской тюрьмы, он получал много книг от близких и родных.

Длительное время провел В. И. Ленин в эмиграции. Все эти годы он напряженно работал с книгой, пользуясь лучшими библиотеками Европы. Нужда, частые переезды с одного места на другое не давали возможности создать личную библиотеку. И редкие, добытые с большим трудом книги приходилось оставлять друзьям или гостеприимным хозяевам квартир при очередном переезде на новое место жительства.

Так, в Кракове и Пороино Владимир Ильич прожил более двух лет. Собралась большая библиотека, накопился архив рукописей, которые после отъезда Ленина в Швейцарию остались на последней его квартире в Белом Дунайце.

Владимир Ильич не терял надежды найти свой архив и библиотеку. В 1921 году он писал своему польскому другу Якову Станиславовичу Ганецкому, ставшему советским дипломатом: «Нельзя ли... попытаться достать мои... книги и рукописи...»

Тогда же Ганецкий занялся поисками ленинских материалов.

После смерти В. И. Ленина Ганецкий специально поехал в Польшу, уже по поручению московского Института Ленина, искать ленинский архив. На этот раз, после долгих переговоров с местными властями Кракова, ему выдали папку из архива полиции с документами о Ленине. Там оказался полицейский рапорт из Нового Тарга, в котором сообщалось, что в ноябре 1918 года на бывшей квартире В. И. Ленина в Белом Дунайце, на квартирах других политических эмигрантов из России жандармы конфисковали «целые груды журналов, брошюр, писем, сочинений и тому подобного — весом приблизительно 10 центнеров».

Однако ленинского архива в Кракове не оказалось. Ганецкий узнал, что «десять ящиков разных печатных произведений и семь мешков с точной описью содержимого...» увез в Варшаву 9 апреля 1921 года особоуполномоченный агент контрразведки.

В Варшаву Ганецкому пришлось ездить не раз. На переговоры, переписку с варшавскими властями ушло почти десять лет. Упорный и настойчивый труд Ганецкого был не напрасен. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС получил большое количество книг, брошюр, принадлежавших Ленину. А вот рукописное наследие Владимира Ильича правители панской Польши упорно задерживали в сейфах контрразведки.

После второй мировой войны, уже в социалистической Польше, поисками ленинского архива занялись польские товарищи. Но их работа значительно осложнилась, так как гитлеровцы разрушили многие здания, где можно было бы искать ленинские архивы или хотя бы ключ к их поиску.

В январе 1954 года в архивах одного из музеев Кракова совершенно неожиданно обнаружили 250 рукописей, писем и записок Владимира Ильича.

И сегодня в Польше продолжают поиски ленинского литературного наследия, книг из его библиотеки.

Лишь в 1918 году впервые у Владимира Ильича появилась возможность по-настоящему заняться созданием личной библиотеки. Он составил список необходимых книг. В первую очередь Владимир Ильич изъявил желание приобрести «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля в четырех томах и сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Грибоедова, Мережковского, Короленко, Радищева, К. Прутков...

Библиотека Ленина постоянно пополнялась. Получив очередную партию книг, Владимир Ильич спросил:

- Где счет? Сколько это стоит?
- Не беспокойтесь, Владимир Ильич.
- Нет, вы дайте мне счет!

Счет долго не представляли. Тогда Ленин написал управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу записку:

«Дорогой В. Д.!

Мою библиотеку оплачиваю я *лично*.

Прошу Вас, *когда выздоровеете*, заплатить все
+ $\frac{3200}{500}$ (Даль)

3700 и т. д.

и *сохранить расписки.*

Ваш Ленин

Прилагаю 4000 рублей.

Другое дело библиотека *Управления делами СНК*».

Книги, которые нельзя было найти в магазинах, покупали у букинистов.

Владимир Ильич попросил Книжную палату присылать ему все, что издается в стране: «обязательный экземпляр», а также списки книг, выходящих за границей. Он регулярно читал журнал «Книжная летопись», начиная с 1917 года, отмечал, что ему нужно. На некоторых списках была пометка: «Все».

Владимир Ильич, пристально следивший за действиями врагов революции за границей, телеграфировал полномочному представителю Советской России в Копенгаген М. М. Литвинову:

«Нам крайне важны все документы, резолюции, брошюры, газетные статьи и речи, касающиеся идейных течений в левом социализме и коммунизме, особенно анархо-синдикалистские извращения коммунизма или вылазки против коммунизма. Собирайте все это тщательно на всех языках, делайте вырезки, присылайте, привозите в 3—4 экземплярах...»

Ленин предложил наркому иностранных дел нанять в каждой стране людей, связанных с книжным делом, поручить им подбирать и высылать нужную литературу *«на всех языках»*. «Жалеть на это деньги глупо...» — писал Ленин.

Нет, пожалуй, ни одной области человеческих знаний, которая бы не интересовала Владимира Ильича. Его интересы были безграничны. Собранные книги не лежали мертвым грузом. Владимир Ильич постоянно работал с ними. К книгам он относился бережно и с любовью.

«Если книга была его собственной, ильичевской принадлежностью, он не стеснялся делать краткие карандашные пометки, метко бившие в цель, — рассказывал Г. М. Кржижановский. — Подчеркнет и поставит два знака вопроса: будьте уверены, что автор пойман с поличным. Напишет сбоку выразительное ильичевское «гм, гм» — это значит, что стоит здесь копнуть — и автор будет выведен на свежую воду...»

Исследователи нашли уже более девятисот книг, журналов и

газет с пометками Владимира Ильича: подчеркнутые слова, абзацы, замечания на полях или знак из двух букв NB.

«Nota-bene» в переводе с латинского означает: «заметь хорошо» (запомни, поразмысли). Таким знаком обычно отмечают нужное, спорное или интересное место. Им очень часто пользовался Владимир Ильич Ленин. NB встречается особенно часто в его «Философских тетрадах», «Тетрадах по империализму», на служебных бумагах.

В личной библиотеке Ленина было 167 книг Маркса и Энгельса, изданных на русском и иностранных языках. Среди них особое место занимали издания «Капитала», выходявшие в 1872, 1885 и 1894 годах на немецком языке и в 1872, 1885 годах на русском языке. Издания эти Ленин постоянно возил с собой. «Ленин прекрасно знал Маркса... — писала Н. К. Крупская. — Для Ленина учение Маркса было не догмой, а руководством к действию. У него раз сорвалось такое выражение: «Кто хочет посоветоваться с Марксом...» Выражение очень характерное. Сам он постоянно «советовался» с Марксом. В самые трудные, переломные моменты революции он брался вновь за перечитывание Маркса».

Многочисленные пометки на страницах, сделанные в разные годы чернилами и карандашом, подтверждают, что Ленин часто «советовался с Марксом».

Решая различные государственные проблемы, готовясь к докладам, выступлениям и заседаниям, работая над своими книгами и статьями, Владимир Ильич изучил множество самых разных источников. Специалисты не раз отмечали после беседы с Владимиром Ильичем, что он хорошо разбирался в затронутом вопросе.

В кабинете Ленина было много географических карт. Они висели на стенах, лежали на столах, на специальных подставках, хранились в книжных шкафах.

На кафельной печи висела небольшая карта, которую сам Владимир Ильич наклеил на полотно. На ней были вычерчены границы России с Турцией и Персией. Карта висела долго. Лидия Александровна Фотиева хотела убрать ее за ненадобностью. Владимир Ильич возразил:

— Нет, нет, не трогайте. Я привык к тому, что она висит здесь.

У двери, ведущей из кабинета в коридор, стоял столик, покрытый сукном. На нем были сложены карты и схемы фронтов

гражданской войны с пометками Ленина о боевых операциях и продвижении Красной Армии. Тогда кабинет Владимира Ильича был главным военным штабом. Карт было свыше пятидесяти. В те дни на рабочем столе Ленина постоянно раскладывались карты боевых операций. Тут же был и атлас «Железные дороги России» с пометками Владимира Ильича. Вот история одной из таких карт атласа.

Летом 1919 года белогвардейский конный корпус генерала Мамонтова с девятью тысячами сабель, артиллерией и бронемашинами, прорвав Южный фронт, устремился в тыл Красной Армии.

Отмечая на своих картах места боевых операций, Владимир Ильич не нашел на них города Козлова, который захватил Мамонтов. Обвел кружочком его местонахождение, а сбоку поставил цифру «68» — расстояние от Тамбова до Козлова (теперь город Мичуринск).

Пользуясь картами, каждый раз Владимир Ильич испытывал неудобство. Большие листы не умещались на столике, перегибались, рассматривать их было затруднительно.

Лидия Александровна Фотиева стала подыскивать мастера, который смог бы сделать приспособление для хранения и перевертывания карт. Вскоре инженер из Реввоенсовета взялся за это необычное дело.

Спустя некоторое время в кабинет Ленина принесли деревянную раму на подставках. В нее были вмонтированы два вала с ручкой. Вращая ручку, можно было передвигать вверх или вниз двенадцать больших карт, наклеенных на полотно.

Работники секретариата очень переживали: понравится ли Владимиру Ильичу? Громоздкое сооружение заняло много места в кабинете.

Но Владимир Ильич, всегда уважавший чужой труд, обрадовался и этому немудреному приспособлению.

На шкафу в столовой кремлевской квартиры Ленина лежит и поныне большая географическая карта, по которой Владимир Ильич выбирал места для отдыха.

Ленин не любил уже хоженных троп и выбирал каждый раз новые места. Он раскладывал на столе карту, приглашал шофера и говорил:

— Ну те-ка, давайте посмотрим, куда мы сегодня поедем? Выбрав населенный пункт, Ленин поручал шоферу:

— Разузнайте-ка, что это за Рублево? Как туда проехать? Какая дорога? Сколько уйдет времени?

На столике возле двери стояла чугунная скульптура «Большой коваль», или, как его еще называли — «Коваль мира».

На круглом основании возвышается мускулистая, полуобнаженная фигура рабочего. В правой руке молот, в левой — клещи. Под ударами молота кусок металла приобретает форму наконечника сохи — орала. У ног кузнеца — снаряд, пушечный ствол и сломанный меч.

Скульптуру подарили Владимиру Ильичу рабочие Урала. В разное время уральцы присылали Ленину и другие подарки. Чугунную скульптуру французской героини Жанны д'Арк, макет паровоза «Коммунар», охотничий нож, макет винтовки. Но особенно по душе пришелся Владимиру Ильичу «Коваль мира». Искусные умельцы воплотили в металле величайшие завоевания Октября — декреты о мире и о земле.

На подставке-основании «Ковалья мира» имеется надпись: «Подарок Великому Мирному Вождю С-кой Раб. крест. Рев. т. Ленину от Рев. Раб. Кус. зав.».

Даты отливки скульптуры нет.

Художественным литьем из чугуна на Урале занимались главным образом в городе Касли. Изделия из чугуна отливали на Каменском заводе и в Нижнем Тагиле. «Кус. зав.», несомненно, сокращенное название Кусинского завода.

В город Кусу Челябинской области было отправлено письмо из Центрального музея В. И. Ленина с просьбой сообщить историю «Большого коваля». Вскоре пришел ответ. Формовщик Иван Егорович Лепешкин и чеканщик Павел Никифорович Мурзин, принимавшие участие в изготовлении фигуры Ковалья, умерли. Автора скульптуры установить не удалось. Когда и по какому случаю был послан подарок Ленину, никто из рабочих завода не знал. Архивных материалов в Москве по поводу «Большого коваля» тоже не оказалось. Историей Ковалья занялся старейший уральский журналист Юрий Михайлович Курочкин.

Журналист вовлек в эту работу юных следопытов, комсомольцев, старейших рабочих Урала. И выяснил следующее.

С начала 1900 года Кусинский завод занимался массовым выпуском скульптурной фигуры кузнеца. Это был обыкновенный коваль, кующий лемех. А когда заводские умельцы готовили подарок Владимиру Ильичу, то они придали своему ковалю социальное звучание: нарисовали серп и молот на наковальне, вывели буквы «РСФСР», а у ног кузнеца разместили обломок меча, снаряд и ствол пушки.

У рабочих был еще и практический подход к своему производству искусства. Они оборудовали скульптуру так, чтобы Владимир Ильич мог пользоваться ею как настольной лампой.

Была в кабинете и еще одна бронзовая статуэтка — обезьяна, сидящая на книге Чарлза Дарвина «Происхождение видов» и рассматривающая человеческий череп. Статуэтка стояла на письменном столе, Владимиру Ильичу она, видимо, нравилась.

И вот спустя почти полвека московские газеты описали такой случай.

Приехавшие в Советский Союз американские бизнесмены изъявили желание осмотреть Кремль. В рабочий кабинет Владимира Ильича Ленина они вошли молча, почтительно. Внимательно слушали пояснения экскурсовода.

— А эту статуэтку в 1921 году подарил Ленину один американский капиталист.

— Я знаю этого американца, — сказал один из туристов. — Его фамилия Хаммер. Я очень хорошо его знаю. Хаммер... я сам.

— Расскажите, пожалуйста, как это было.

И мистер Хаммер после короткой паузы рассказал:

— Я тогда был еще совсем молодым, можно сказать, мальчишкой — прожил на свете всего лишь 23 года. Я только что окончил медицинский факультет и получил диплом врача. Но болезни людей меня не привлекали. Мне хотелось иметь свое дело — бизнес. В Америке тогда много говорили о России, создали даже Общество технической помощи. Ну, а я, решив, что в России можно иметь бизнес, поехал сюда по поручению фабриканга Генри Форда продавать тракторы.

Я слышал много хорошего о Ленине, слышал, что он любит искусство. И так как надеялся встретиться с Лениным, я решил повезти ему какой-нибудь подарок. По пути в Москву я остановился в Лондоне, зашел в антикварную лавку и купил вот эту статуэтку обезьяны. Мне казалось, что она может понравиться Ленину. Кроме того, я слышал, что в России голод, тиф, и я привез в дар оборудование для больницы, медикаменты, которые передал через наркома Семашко. Это был милый, интеллигентный человек. И когда я изъявил желание поехать на Урал, он тут же предоставил мне специальный поезд...

— А на Урал вы зачем поехали? — спросили Хаммера его коллеги.

— Там у меня были кое-какие виды на бизнес.

Никогда не забуду этой поездки. Я видел кругом разруху, толпы голодных людей. Я не мог остаться равнодушным и решил помочь чем-нибудь. Тогда я предложил поставить в Россию один миллион пудов хлеба. Это очень немного для большой России. Предложение мое было принято.

Будучи на Урале, я совершенно неожиданно получил от Ленина телеграмму. Он просил меня приехать в Москву. Встреча состоялась в этом кабинете. Ленин спросил меня:

— На каком языке вы хотели бы говорить: на английском или русском?

Я отметил, что он очень хорошо говорит по-английски, и сказал, что предпочел бы вести нашу беседу на своем родном языке. Он согласился. Ленин говорил о желании получить помощь от Америки для развития русской промышленности.

Когда закончился наш разговор, я подарил ему эту бронзовую обезьянку. Ленин с охотой взял ее, внимательно рассмотрел со всех сторон. Прочитав название книги, на которой сидит обезьянка, он улыбнулся и спросил меня:

— Товарищ Хаммер, — Ленин назвал меня товарищем, — как вы понимаете аллегорический смысл этой статуэтки?

— Очевидно, это иллюстрация к теории Дарвина: человек произошел от обезьяны, — ответил я.

— Ничего подобного, — возразил Ленин. — Ничего подобного, — повторил он, встал с кресла и быстро заходил по кабинету. После некоторой паузы он высказал свое мнение:

— Я эту аллгорию понимаю так. Скульптор предупреждает: человечество может вернуться к своим истокам, к своему прообразу, если не уничтожить войну, если народы не будут жить в мире. Я так это понимаю.

Я согласился.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ НАЧАЛСЯ

Положив перед собой на столе часы, Владимир Ильич сел в кресло и придвинул к себе стопку утренних газет. Здесь были «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Беднота», московская газета «Коммунистический труд»...

Чтение газет было жизненной потребностью Ленина. Люди старшего поколения помнят, как в официальных бюллетенях о состоянии здоровья В. И. Ленина рядом со словами: «дыхание», «температура», «пульс» было и слово «газета». 30 августа 1918

года на Владимира Ильича было совершено злодейское покушение, а через день читаем в газете «Известия»: «Вчера утром, проснувшись, тов. Ленин первым долгом потребовал газеты. Врачи категорически запретили ему читать...»

В одной из записок В. И. Ленина встречаем строки:

«Поздравьте меня: получил разрешение на газеты! С сегодня на старые, с воскресенья на *новы е!*»

И еще строки из записки Ленина: «Я мало видел газет (заграничных почти не видел). Значит и «обстановку» мало знаю».

Находясь в дали от родины, Владимир Ильич по газетам следил за событиями в России. В сентябре 1916 года в письме к родным из Цюриха он просил: «Если можно, посылайте раз в неделю прочитанные русские газеты, а то я не имею *никаких...*» Спустя два месяца в письме к сестре Марии Ильиничне снова: «Если не затруднит, посылай раза 3—4 в месяц прочитанную тобой русскую газету, крепко завязывая бечевкой (а то пропадет). Я сижу без русских газет».

Теперь-то мы знаем, как в марте 1917 года в Цюрихе Владимир Ильич по нескольку раз в день ходил к газетной витрине и перечитывал неоднократно телеграфные сообщения о революции в России. Возвращаясь из эмиграции в Россию, В. И. Ленин всяческими путями добывал газету в дороге и с жадностью прочитывал все от строчки до строчки.

У Ленина была особая манера читать.

Однажды большевичка О. Б. Лепешинская, направляясь из Красноярска в Минусинск, сидела в каюте парохода рядом с Владимиром Ильичем и невольно обратила внимание, как быстро он перелистывал страницы толстой иностранной книги. Пока Лепешинская прочитывала 5—6 строк в своей книге, Ленин переворачивал новую страницу.

— Владимир Ильич, вы читаете или только просматриваете?

— Конечно, читаю. И очень внимательно.

— Но разве можно так быстро читать?

Ильич улыбнулся:

— Вы правы: я читаю быстро. Но так надо: мне необходимо очень много прочесть. Медленно читать мне никак нельзя. За несколько дней Ленин прочитал в каюте парохода столько книг, сколько иной и за год не прочтет.

Манеру В. И. Ленина быстро читать книги заметила и Елена Усиевич, будучи вместе с ним в эмиграции. Владимир Ильич слишком уж быстро перелистывал страницы книги, но по-

том, когда Ленин заговорил об этой книге, оказалось, что он основательно читал ее. Ему свойственно было так называемое «партитурное чтение», когда в поле зрения берется полстраницы, а то и вся страница.

Так же быстро, «партитурно», читал Ленин и газеты. Он брал развернутый лист обеими руками и мгновенно окидывал взглядом заголовки. Разворачивал внутренние страницы газеты и так же мгновенно просматривал уже две полосы сразу, определяя, что читать в первую очередь.

Однажды утром, когда Владимир Ильич, сидя за рабочим столом, читал газеты, в кабинет вошел заместитель управляющего делами СНК РСФСР В. А. Смольянинов. Поздоровавшись с ним, Ленин спросил:

— Товарищ Смольянинов, вы утром газету читали?

— Нет.

— А вам что, газету с опозданием приносят?

— Да нет, приносят вовремя, только газеты читаю вечером. С утра некогда, работы много...

— Товарищ Смольянинов, газеты надо просматривать утром. А чтобы времени хватало, приходите на службу на 15—20 минут раньше.

Как-то В. И. Ленин передал Смольянинову свой экземпляр газеты «Экономическая жизнь» с заметкой рабкора А. Кактыня и поручил ему отправить в Харьков телефонограмму председателю ВСНХ П. А. Богданову и члену президиума ВСНХ В. Я. Чубарю, в которой говорилось:

«Кактынь в Экон[омической] Жизни описывает чудовищные хищения и безобразную бесхозяйственность в Криворожском бассейне. Обратите внимание, установите поточнее персонально ответственных лиц».

В заметке, привлечшей внимание Ленина, рассказывалось о том, что на Криворожских рудниках расхищается, портится оборудование, изготовленное за границей по последнему слову техники. Ценнейшие электрические лебедки находятся под дождем, ржавеют. Учета ценного имущества нет.

В тот же день, обращаясь с письмом в редакцию «Экономической жизни», Владимир Ильич рекомендовал «завести сеть корреспондентов с мест, как коммунистов, так и беспартийных, и уделять больше места корреспонденциям с мест...»

Живя в Горках во время отпуска по болезни, Владимир Ильич прочитал в одном из номеров газеты «Известия» статью А. Белякова об опыте использования грузовых автомобилей

вместо паровоза при маневрах на железнодорожных путях. Автор высказывал мнение о возможности и целесообразности использования нового вида тяги на наших железных дорогах. Владимир Ильич тут же передал по телефону в секретариат Совнаркома письмо редактору «Известий» и автору статьи, в котором просил сообщить «возможно более точно с указанием соответствующих изданий:

1) Из какого источника взяты сведения о том, что за границей вообще испытан и дал блестящие результаты способ применения обыкновенного, слегка переделанного, грузовика вместо железнодорожного локомотива.

2) То же относительно того, что в Америке такими грузовиками обслуживались подъездные пути.

3) О том, что за время войны такие грузовики удачно применялись в американской армии (об этом должны быть сведения, если применение было удачно, и в американской, и французской, и английской прессе).

4) О том, что в Лондоне были произведены испытания по идее русского инженера Кузнецова, доказавшие, что грузовик в 30 лошадиных сил свободно тянул поезд в 9—10 вагонов со скоростью до 20 верст в час.

Владимир Ильич попросил тогда дежурного секретаря Наташу Лепешинскую отправить копии этого письма в Госплан (президиум), в НТО ВСНХ, в НКПС. Здесь же секретарь дописала: «т. Ленин просит указать: было ли что-нибудь об этом в научной и технической литературе и как смотрят на это дело специалисты».

Спустя три дня В. И. Ленин шлет записку В. А. Смольянову:

«Прошу Вас непременно проверить, следить, не допускать промедления и *извещать меня* по телефону о ходе этого дела».

Мы не знаем, какие именно газетные материалы привлекли внимание Владимира Ильича Ленина утром 2 февраля 1921 года. Но мы можем посмотреть, что в них печаталось в этот день.

Бережно разворачиваем пожелтевшую от времени «Правду». Перед нами первая полоса с крупными заголовками, необычная для нашего времени верстка. Потускневшие строчки читаются с трудом. В центре страницы вытянулась в одну колонку заметка «Соль и керосин».

«...Конечно, — говорится в заметке, — партия обязана сей-

час перебросить часть своих сил для работы в деревне. Конечно, просветительные органы Советской власти должны усилить свою деятельность среди крестьян. Но этого мало. Нужна хотя бы частичная реальная компенсация за хлеб. Что можно дать? Одной агрономической помощи тоже мало. Сельскохозяйственных орудий у нас почти нет, с мануфактурой очень плохо, пожалуй, еще хуже, чем раньше. Что касается до заграничных товаров, то они, пока что, поступают еще в малом количестве...

Но у нас есть два продукта, на которые обращается до сих пор мало внимания. Это керосин и соль. Спрос со стороны деревни на эти продукты громадный. Вопрос о соли и керосине становится также и первостепенным политическим вопросом...»

Конечно, эту заметку Владимир Ильич читал. Снабжение деревни в те дни его особенно волновало. О керосине и соли не раз говорили ходоки. В конце февраля 1921 года в газете «Беднота» появится специальная статья, в которой объяснено, почему в стране недостает соли, сколько ее вырабатывается, какие меры принимаются для снабжения населения солью. А в апреле того же 1921 года Владимир Ильич даст телеграфное предписание Наркомпроду Украины немедленно сообщить о заготовках соли в Крыму и Одессе в связи с необходимостью организовать товарообмен с крестьянами. В конце апреля того же года В. И. Ленин вновь потребует «в порядке боевого приказа» представить в Совет Труда и Оборона исчерпывающие сведения о выполнении телеграфного распоряжения о вывозке соли. Оказывается, в тот момент на погрузочных пунктах Черного моря лежало 22 миллиона пудов соли.

Вот небольшая информация о пленуме Московского Совета, о продовольственном снабжении республики, о снабжении транспорта топливом. Это тревожило всех. Проблема трудная. Еще вчера, 1 февраля, в «Правде» и всех других газетах Москвы и Петрограда было напечатано сообщение:

«О хлебе.

Комиссия по снабжению столиц (Москвы и Петрограда. — П. М.) при Совете Труда и Оборона уже дважды объявляла об уменьшении выдачи хлеба. Первое сокращение в размере одной трети против прежней выдачи за 10 дней от 22 января для всего населения Москвы, Питера... второе от 30 января — об уменьшении наполовину...»

В специальном сообщении далее рассказывалось, что для снабжения Москвы требуется ежедневно 44 вагона хлеба. Но из-за снежных заносов и отсутствия топлива не ходили поезда. 6855 вагонов с продовольствием стояли на станциях без движения. А там, где все же удавалось поезда отправить, они двигались со скоростью 60 верст в сутки.

Из-за перебоев на железнодорожном транспорте Москва получила 29 января 1921 года всего лишь 7 вагонов продовольствия, 30 января — 30 и 31 января — снова только 7 вагонов.

Общее же положение с продовольствием в республике хорошее, указывалось в сообщении. Заготовлено 221 657 634 пуда хлеба.

В газете «Коммунистический труд» ежедневное сообщение:

«Объявляется для сведения трудящихся г. Москвы: по № 16 карточки трудпайка серии «А» выдается на три дня 3 фунта хлеба. По карточке серии «Б» — полтора фунта на три дня. По детской карточке — полтора фунта на три дня, плюс полфунта додача. Итого детям по два фунта на три дня».

Каждый день в газете печатались материалы под рубрикой «В стане контрреволюции». Здесь мы видим заголовки: «Бунт среди врангелевцев», «Петлюровцы не слагают оружия», «Врангелевцы в Болгарии», «Пригодятся для войны с Италией...»

«Известия» освещали 2 февраля те же проблемы. На третьей ей полосе читаем:

«Чума

Чита. 26 января. В джайларовских копиях 20 января заболело легочной чумой 50 человек. 21 января заболело 43 человека, из которых 9 умерло. На станции Маньчжурия найдено 46 чумных трупов».

В стране были вспышки тифа, и вот сигналы о новом бедствии...

В кабинет вошла Лидия Александровна Фотиева, Ленин спросил:

— Ну те-с, что там у нас сегодня?

Лидия Александровна напомнила о заседаниях, на которых должен присутствовать сегодня Ленин, о назначенных встречах, срочных делах. Владимир Ильич сверил свои записи с записями секретаря, внес поправки, добавления и, принимая от Фотиевой папку с телеграммами, поступившими за ночь, сказал:

— Выступить сегодня в Колонном зале на конференции ме-

таллистов не смогу. Буду у них обязательно 3-го или 4-го. Передайте им.

Владимир Ильич читал телеграммы, делал пометки. На одних подчеркивал карандашом отдельные фразы или обводил кружочком цифры, слова. На других писал распоряжения, рекомендации наркомам: «Сообщите свои соображения» или «Ознакомьтесь и верните мне».

На одной из телеграмм Владимир Ильич задержался дольше других и сказал с огорчением:

— Этого еще нам не хватало!

В телеграмме из Ростова-на-Дону сообщалось о 16-й кавалерийской дивизии, застигнутой в степи снежным бураном.

Закончив чтение телеграмм, Владимир Ильич передал папку Фотиевой.

Она ушла.

Ленин стал просматривать текущую почту. Читал одно письмо за другим. Дошла очередь и до сообщения наркома здравоохранения Семашко. Он просил ускорить отправку санитарных поездов в Крым.

В 1920 году, сразу же после освобождения Крыма от белогвардейской армии барона Врангеля, Н. А. Семашко, по согласованию с В. И. Лениным, выехал туда, чтобы взять на учет дворцы царя и дачи бежавших богатей.

Вернувшись в Москву, Семашко восторженно рассказывал Владимиру Ильичу о прелестях Крымского края.

— Вот и отлично. Пишите проект декрета Совнаркома об использовании Крыма для лечения трудящихся.

Нарком заколебался:

— Кто сейчас поедет на курорт?

— Пишите, пишите. Будем пока лечить раненых красноармейцев.

— Владимир Ильич, дворцы заняты царскими чиновниками...

— Какими чиновниками?!

— После революции царская свита перебралась из Петрограда в Крым под защиту белогвардейцев. В Ливадии, например, бывшие придворные и чины личной охраны занимают большинство жилых домов и особняков.

— Гнать их всех или заставить работать!

— Дело нелегкое...

— Легких дел у нас сейчас нет, Николай Александрович, завтра же давайте проект декрета. Декрет должен быть полити-

ческим. Шутка ли, впервые в мировой истории во дворце царя Николая II будут отдыхать рабочие и крестьяне. Это замечательно. Весь проект декрета напишите так, чтобы в нем пела каждая фраза.

На другой день Семашко принес проект декрета. Ленин прочитал текст вслух:

«Благодаря освобождению Крыма Красной Армией от господства Врангеля и белогвардейцев открылась возможность использовать целебные свойства Крымского побережья для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся, всех Советских Республик в санаториях и курортах Крыма, бывших ранее привилегией крупной буржуазии. Прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян».

Закончив чтение, Владимир Ильич заметил:

— Отлично у вас получилось. Только я бы здесь добавил еще одну фразу:

— Какую?

— Крымская всероссийская здравница будет кузницей здоровья и для борцов международного пролетариата.

— Не рано ли говорить о международном значении курорта? — заметил Семашко. — Курорт еще не оборудован и не благоустроен.

— Ничего, выделим деньги, продовольствие. — Своей рукой Ленин дописал: «...а также для рабочих других стран, направляемых Международным Советом Профсоюзов».

В декабре 1920 года Владимир Ильич подписал декрет о создании Крымского курорта. По его предложению была создана комиссия из врачей и рабочих-путниковцев. В беседе с членами комиссии Владимир Ильич поручил им ускорить оборудование санаториев, информировать его о положении дел по прямому проводу.

Вскоре двадцать восемь санаториев и домов отдыха Крыма были готовы принять на лечение две с половиной тысячи человек.

Члены комиссии докладывали об этом Ленину и спрашивали: «Где же большие?»

А задержали первых курортников вот какие обстоятельства.

Раненые красноармейцы, боровшиеся с белыми армиями в Сибири, на Урале и в Поволжье, прибыли на сборный пункт в Пензу, где формировался санитарный эшелон до Крыма. Но в районе станции Балашов путь оказался разобраным. Пока его починили, прошло несколько суток. Двигался эшелон, как и все поезда того времени, очень медленно, с боями пробиваясь к месту назначения.

Под станцией Лиски на эшелон напали вооруженные бандиты. В один из вагонов к раненым красноармейцам вбежал командант поезда и крикнул:

— Товарищи, нет ли среди вас пулеметчиков?

— Я пулеметчик, — поднялся Федор Редькин, раненный при освобождении Симбирска.

— Давай на паровоз! Там пулемет. Будешь помогать в случае чего.

На курорт ехали, отбиваясь от бандитов пулеметными очередями.

На разъезде Зайцево эшелон встал: впереди «столица» батьки Махно—станция Гуляй-Поле.

Как быть?

Решили проскочить. Ехали до станции медленно, осторожно. Бандиты открыли по составу беспорядочную ружейную стрельбу. Им ответили из пулемета. Машинист дал полный вперед. Эшелон проскочил опасный участок и благополучно прибыл на узловую станцию Синельниково.

До Симферополя ехали спокойно. Из окон вагонов были видны следы недавних боев: воронки от снарядов и разбитые повозки.

От Симферополя до Ялты добирались двое суток на телегах...

Прочитав письмо наркома Семашко, Владимир Ильич дал указание принять меры для быстрого и безопасного продвижения в Крым санитарных поездов с ранеными красноармейцами.

А вот письмо на английском языке. Судя по почерку, оно написано женской рукой. Увидев подпись Луизы Брайант, Владимир Ильич задумчиво откинулся на спинку кресла: «Мужественная женщина».

Луиза Брайант впервые приехала в Россию осенью 1917 года вместе с мужем Джоном Сайласом Ридом. В Петрограде они встретились с Альбертом Рисом Вильямсом и другими американскими журналистами.

По просьбе американского писателя-коммуниста Джона Рида Владимир Ильич дал интервью Луизе Брайант, которая в сентябре 1920 года нелегально приехала в Россию из Соединенных Штатов в качестве представительницы влиятельных газет, выступавших за признание Советской России.

После смерти Джона Рида (умер в октябре 1920 года в Москве и похоронен у Кремлевской стены) его вдова не раз приезжала в Советскую страну и была у Ульяновых в кремлевской квартире.

В своем письме Луиза Брайант сообщала Владимиру Ильичу о книгах, которые купила для него, и просила принять ее.

Последний раз они виделись три недели назад — 12 января 1921 года. Взволнованная и обиженная, она жаловалась на Наркомат иностранных дел, который не разрешил ей поездку в Туркестан.

Туркестаном в ту пору называлась территория, где жили узбеки, туркмены, таджики, киргизы, казахи. Обширнейший край долгое время был в огне гражданской войны. Лишь в 1921 году здесь смогли осуществить ленинский декрет о земле, принятый еще в октябре 1917 года.

Американская журналистка, писавшая в свое время о штурме Зимнего, о первых шагах Советского государства, не могла, естественно, не поведать американским читателям об интересных и важных событиях в Туркестане. А Наркоминдел не разрешил журналистке поехать в Среднюю Азию. И Луиза Брайант обратилась к Ленину. Это удивило и обрадовало Владимира Ильича. Он сказал тогда:

— Приятно, что в России есть человек, у которого достаточно сил и, я бы сказал, мужества, чтобы окунуться в исследование сложного и неизведанного.

— Тогда почему мне запрещают поездку в Туркестан?

— Товарищи боятся, чтобы вас там не убили.

Брайант усмехнулась:

— Я хочу ехать не ради приключений. Я журналистка. И это всегда связано с риском.

Ленин видел перед собой друга Советской России, правдиво рассказывающего в своих статьях о событиях в нашей стране.

— Вы правы, друг мой. Поезжайте. Богатый край. Интереснейшие люди. Знаменательные события происходят там. Поездка на всю жизнь останется для вас самым ярким воспоминанием.

Владимир Ильич на листе бумаги со штампом Председателя Совнаркома РСФСР собственноручно написал:

«Удостоверение Луизе Брайант (Рид)

12.1.1921 г.

Удостоверяю, что подательница — тов. Луиза Брайант (Louise Brauанt), американская коммунистка, вдова товарища Джона Рида, члена Исполкома Коминтерна.

Очень прошу партийные и советские учреждения оказывать всяческое содействие тов. Луизе Брайант.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Луиза Брайант не состояла в то время в Коммунистической партии США. Но ее убеждения, книги, выступления в газетах и журналах в защиту Советской России позволили Владимиру Ильичу считать ее коммунисткой.

А спустя два дня Луиза Брайант уже ехала в поезде. Владимир Ильич снабдил ее не только «всеми необходимыми пропусками, дававшими право ехать в любом поезде и останавливаться в любой правительственной гостинице», как она писала потом, но и дал личное письмо и распорядился обеспечить продуктами.

Закончив чтение письма Луизы Брайант, Владимир Ильич подумал: «Быстро вернулась Луиза. Американская деловитость. Сколько, очевидно, впечатлений. Интересно послушать». И он сделал пометку на письме, назначив Луизе Брайант время встречи.

Взял из папки следующее письмо.

Письма к Ленину...

Их много — до семидесяти писем в день! А за десять месяцев 1921 года — свыше девяти тысяч! И ни одно не осталось без соответствующего решения и ответа.

Владимир Ильич был перегружен делами государственной важности, поэтому физически не имел возможности читать все письма, так же как и принять всех, желавших встретиться с ним лично. И в то же время Владимир Ильич не мог оставить без внимания людей, которые приезжали со всей России «к самому Ленину». Тогда и была создана «наружная приемная» Совнаркома за пределами Кремля, чтобы любой человек мог свободно, без пропуска зайти поговорить с работником Совнаркома, оставить свое письмо или жалобу.

Сюда же направлялись и письма, поступившие в адрес Совнаркома или Председателя СНК. Секретарь приемной Совнар-

кома обязан был давать ход этим письмам и раз в две недели докладывать Ленину общий итог.

Для работы в этой приемной были подобраны честные, чуткие, внимательные люди из рабочих московских заводов.

Возник вопрос: за чьей подписью отвечать на письма? Управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич считал, что отвечать нужно «от имени Ленина» или «по его поручению». Но Ленин не согласился с этим предложением и написал на докладной записке: «По-моему, от имени управдела отвечать».

В обширной почте Владимира Ильича были и жалобы с мест. За десять месяцев 1921 года учтено около тысячи жалоб.

Владимир Ильич распорядился докладывать ему обо всех жалобах, поступавших в письменном виде, в течение 24 часов, а об устных жалобах — в течение 48 часов.

Ленин требовал, чтобы ему докладывали об исполнении его поручений и просьб, поручал работникам секретариата проверку исполнения. Контроль был еще более усилен после случая, имевшего место в 1919 году.

Крестьяне Ф. Романов из Ярославской губернии и И. Калинин из Московской губернии обратились к Ленину с письменными жалобами на действия местных властей.

По поручению Владимира Ильича Управление делами Совнаркома направило жалобы в соответствующую комиссию. Вскоре письмо вернулось в Совнарком с надписью на конверте: «Работы и так много, пустяками заниматься некогда».

Подпись была неразборчивой.

Письмо показали Владимиру Ильичу. Он возмутился и написал на этом же конверте:

«Аванесову в Государственный контроль для *ареста* ответившего так чиновника.

20/V.

Ленин».

В борьбе с бюрократизмом, волокитой, с нарушителями законов Ленин использовал всю полноту своей административной власти. Сотни телеграмм и писем были направлены Лениным в местные Чека и Советы с выражением протеста против произвола, с просьбами о более объективном и внимательном отношении при разборе дел об арестах.

Новгородский житель Булатов обратился к Ленину с жалобой на произвол местных властей. Узнав, что жалобщик арестован, Владимир Ильич послал в Новгород телеграмму:

«По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей исполкомов, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела. Почему не ответили тотчас на мой вопрос?»

Булатов был освобожден из-под ареста. А Владимир Ильич в разговоре с председателем Новгородского губисполкома о положении в губернии, в частности, сказал:

— К вам поступила жалоба, просьба, так вообразите же себя на месте жалобщика, постарайтесь душой, сердцем понять его положение. Считите, что это вам не отвечают на заявление, что это вас не допускают к начальнику, к которому вы стремитесь попасть...

Письма, докладные записки, телеграммы с мест и жалобы как бы живой нитью связывали Владимира Ильича с самыми различными сторонами повседневной жизни, постоянно давали возможность видеть недостатки в работе нового государственного аппарата.

На второй день революции, когда Зимний дворец был взят штурмом, а члены буржуазного Временного правительства арестованы, Второй Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, собравшийся в Смольном, решил образовать для управления страной временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров.

Председателем Совнаркома съезд избрал Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Совнарком сразу занялся созданием новых советских учреждений, подбором и назначением работников.

Смольный — штаб революции стал теперь центром первых советских, партийных и профсоюзных организаций.

15 ноября 1917 года Совнарком принял решение:

«Народные комиссары переносят свою работу в соответствующие министерства, назначают там определенные часы своего присутствия. К вечеру комиссары собираются в Смольном для совещания и для осуществления контакта с другими демократическими организациями».

Наркомы вместе с первыми советскими служащими переместились в здания бывших царских министерств.

На третий день после Октябрьского вооруженного восстания Владимир Ильич, осмотрев на третьем этаже правого крыла в Смольном комнату № 67, занял ее под свой кабинет.

Комендант Смольного сразу же поставил у дверей кабинета двух вооруженных рабочих-красногвардейцев с Путиловского и Трубного заводов. Увидев часовых, Владимир Ильич поздоровался с ними и спросил:

— Какие у вас обязанности, товарищи?

— Вас охранять...

— Нет, это не то, — сказал Владимир Ильич и прошел в кабинет. Вернувшись через несколько минут с листком бумаги, он прочитал написанную им инструкцию для часовых:

«1. Не пропускать никого кроме **НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ** (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них).

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не пропускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой».

В блокноте секретаря Совнаркома Николая Петровича Горбунова сохранилась такая запись:

«По поручению Вл. Ильича Ленина

Прошу каждый отдел, каждую комнату Смольного сообщать о себе подробные сведения:

телефоны комнат

заведующих (фамилии)

секретарей (фамилии)

домашний телефон **заведующих и секретарей**

адреса

компетенции и т. д.».

Эти сведения давали возможность в нужный момент связаться с руководителем того или иного учреждения.

Владимир Ильич постоянно добивался, чтобы каждый работник знал и четко выполнял свои обязанности.

Определенность и ясность Владимир Ильич повседневно вносил в работу создаваемого нового советского аппарата. В Совнарком и новые наркоматы пришли люди, не имевшие опыта, подчас не знавшие даже порядка ведения бумаг.

Казалось бы, простое дело — отправить письмо. Но Владимир Ильич придавал и этому большое значение. Работники

секретариата Совнаркома получили от него подробную инструкцию:

«Не посылайте самокатчика к адресату, не узнав раньше, где он сейчас находится (на заседании, в рабочем кабинете, дома и т. д.); узнавши *точно*, где находится адресат, запечатайте письмо в конверт, если нужно, — пройдите его и запечатайте сами сургучом... Обязательно напишите на конверте «никому другому не вскрывать» и предупредите самокатчика, что адресат должен дать расписку на конверте...» Конверт с распиской следовало показать Владимиру Ильичу.

Однажды, это было в 1921 году, Владимир Ильич обнаружил, что письмо, которое нужно было немедленно отправить с самокатчиком, задержалось. Он тут же послал записку в Управление делами Совнаркома:

«Вчера мной обнаружено, что данный мною Фотиевой срочный документ... оказался, пошел «обычным», т. е. идиотским, путем и опоздал на долгие часы, а без моего вмешательства второй раз опоздал бы на дни.

Такая работа канцелярии недопустима, и, если еще хоть раз обнаружится подобная типичнейшая волокита и порча работы, я прибегну к строгим взысканиям и смене персонала».

Срочная корреспонденция Владимира Ильича обычно отправлялась через самокатчиков. А в этот раз письмо пошло в регистратуру, потом — в экспедицию и могло попасть к адресату лишь через несколько дней. Владимир Ильич написал тогда работникам секретариата:

«Предписываю:

1) по каждому документу или пакету, который я даю для отправки, проверять *лично* дежурной секретарше (которая должна иметь заместительницу на случай ухода и сговариваться с телефонистками, дежурящими круглые сутки, о замене);

2) сделаны ли *все* надписи (в собственные руки; срочно; распиской на конверте и т. д.);

3) передано ли тотчас курьеру;

4) обязательно *проверять по телефону* у адресата;

5) мне *показывать* возвращенный с распиской конверт;

6) те же правила исполнять на деле и телефонисткам в будке на случай поручения в часы, когда секретарши нет».

Ленин был всегда очень точен в делах и выражениях. Однажды он попросил работницу секретариата Наташу Лепешинскую срочно дать весь состав коллегии Наркомзема.

— Хорошо, сейчас, — ответила Лепешинская.

Через некоторое время Ленин снова вызвал секретаря и спросил:

— Что же вы не даете мне коллегию Наркомзема?

— Скоро они приедут.

— Кто приедет?

— Члены коллегии.

— Что вы наделали! Я просил список членов коллегии.

— Вы не сказали список, а просили членов коллегии.

— Серьезно? Я так и сказал: «Всех членов коллегии»?

Владимир Ильич согласился, что изложил свою просьбу не совсем ясно, и принял вину на себя.

Владимира Ильича беспокоила не только неопытность в работе отдельного служащего, он был серьезно озабочен недостатками в деятельности многих советских учреждений. В беседах, письмах и документах постоянно напоминал об этом, подвергал суровой и справедливой критике малейшее упущение. Однако он с возмущением обрушивался на тех, кто, приняв позу «критически мыслящей личности», чернил советскую действительность. Обращаясь к такому критику, Владимир Ильич сказал:

«Где вы указали Центральному Комитету такое-то злоупотребление? и такое-то средство его исправить, искоренить?»

Ни разу.

Ни единого разу.

Вы увидели кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия... А мой совет в отчаяние и панику не впадать...»

Забываясь об улучшении работы советского административного аппарата, Владимир Ильич послал находящемуся в Берлине заместителю наркома РКИ Аванесову письмо, в котором просил «собрать *все* сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы *бюрократической* (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.).»

По-моему, нам теперь поучиться у Европы и Америки *самое* нужное. Если не ошибаюсь, я слышал, что Вы прекрасно владеете немецким. Если нет, найдите переводчика. Может быть, и в скандинавских странах что-либо полезное найдется».

Всячески поддерживая научную организацию труда как умственного, так и физического, Владимир Ильич писал далее Аванесову:

«Я считаю, что нормализацию *бумажной* работы мы долж-

ны выработать, и ее потом применять всюду. Это самое важное. Если Вас пустят посмотреть одно из лучших учреждений в Германии или Норвегии, стоит остаться на недельку.

Главное: нормы (т. е. сколько человек на такую-то сумму работы)».

Наряду с налаживанием работы советского аппарата, повышением квалификации его сотрудников Владимир Ильич решительно ставил вопрос о его удешевлении. И в этот день, 2 февраля 1921 года, в письме к заместителю председателя Малого Совнаркома А. Г. Гойхбаргу Владимир Ильич писал:

«Население Москвы пухнет от роста числа служащих. Надо это проверять; не принять ли постановление.

Наркомат, увеличивающий число служащих без разрешения Малого Совета, подвергается ряду кар (запрет увеличивать хотя бы на одного).

Составьте список наркоматов, которые обязаны еженедельно уменьшать число служащих (Наркомвоен, ВСНХ, НКПС и некоторые другие). Остальные увеличивать могут лишь с разрешения Малого Совета.

Ленин».

«Главнейшей очередной задачей настоящего времени, и на ближайшие годы — важнейшей, — говорил Владимир Ильич, — является систематическое уменьшение и удешевление советского аппарата путем сокращения его, более совершенной организации, уничтожения волокиты, бюрократизма и уменьшения непроизводительных расходов».

Большие надежды Владимир Ильич возлагал на Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) как на орган проверки исполнения решений правительственных органов и переделки государственного аппарата.

Организация работы НК РКИ и методы ее не удовлетворяли Ленина. В своем письме всем членам коллегии Владимир Ильич писал: «...*Тип работы — отдельные обследования и доклады. Старина. А переделки аппарата и улучшения его нет. Нет образцовых аппаратов, построенных сплошь из коммунистов или сплошь из учеников совпартшкол; нет систематически выработанных норм работы, кои бы можно было прилагать к другим ведомствам; нет систематических измерений того, что могут сделать *совработники* в тех или других отраслях в неделю и т. п.*».

Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) была создана по инициативе В. И. Ленина в феврале 1920 года. А до этого су-

ществовал Народный Комиссариат государственного контроля, образованный в первые же месяцы Советской власти.

Владимир Ильич лично разрабатывал принципы организации контроля в Советском государстве, внимательно следил за деятельностью Рабкрина, критиковал недостатки и настойчиво добивался улучшения его работы.

Позже, в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрип» и «Лучше меньше, да лучше» Владимир Ильич выдвинул план реорганизации Рабкрина. Основой ленинского плана были: соединение партийного и государственного контроля, широкое привлечение к его работе рабочих и крестьян. В этом Ленин видел залог успешной работы, источник неиссякаемой силы партии и государства.

Забываясь о кадрах работников советского аппарата, Владимир Ильич отыскивал способных, талантливых людей, рекомендовал их на ответственную работу, оказывал помощь и поддержку. Со многими онзнакомился на заседаниях Центрального Комитета партии, Совнаркома и различных комиссий.

Появился среди докладчиков или выступающих в прениях новый человек, Владимир Ильич тут же запиской спрашивал о нем наркома или руководителя ведомства: «Кто? Кем работает?»

Дельных людей Ленин примечал, включал в состав комиссий или давал отдельные поручения и одобрительно отзывался в своих речах. Сколько таких новичков вышло потом на широкую арену политической и государственной деятельности!

...В течение почги двух часов Владимир Ильич знакомился с утренней почтой, подписывал бумаги.

А ровно в одиннадцать Владимир Ильич открыл седьмое заседание Экономической комиссии СНК, которая была создана после победы над международной и внутренней контрреволюцией, когда появилась возможность заняться восстановлением и созданием экономики Советской страны. Комиссия занималась организацией связей между хозяйственными наркоматами.

Комиссия созывалась довольно часто. И вот в этот день, 2 февраля, она под председательством Владимира Ильича собралась для обсуждения и решения неотложных дел.

Владимир Ильич всегда ценил свое и чужое время. Любое заседание или собрание, которыми он руководил, открывалось точно в назначенный час, ни минутой позже!

И на этот раз Владимир Ильич вошел в Красный зал за несколько минут до начала заседания.

— Здравствуйте, товарищи! — обратился он к собравшимся.

Подойдя к столу председательствующего, положил часы. Просмотрел повестку дня, сделал пометки. Попросил у секретаря список присутствующих, просмотрел его и подчеркнул фамилии людей, о которых узнал впервые, чтобы потом расспросить о них подробнее.

Когда стрелки часов показали ровно одиннадцать, Владимир Ильич встал и объявил заседание Экономической комиссии открытым.

С этого момента, так же как и во время заседаний Совнаркома, вход в зал запрещался. Владимир Ильич не терпел и сам не допускал опозданий. Нарушители все же были. Ленин встречал их укоризненным взглядом, показывая на свои часы, либо делал замечания.

Виновные ссылались на занятость другими делами.

Ленин не признавал эти причины уважительными: участие в заседаниях Совнаркома или его комиссий считалось самым главным делом для всех приглашенных.

А вчера, 1 февраля, когда на заседание пришли с опозданием сразу несколько человек, Совнарком решил: «Довести до сведения всех наркомов и членов коллегий, что со следующего заседания будет применяться декрет ВЦИК об опаздывании».

Декрет этот был принят в апреле 1920 года, чтобы пресечь халатное отношение к работе. В то время многие старые чиновники саботировали работу в советских учреждениях. Опоздавшим без уважительных причин более чем на 10 минут в первый раз объявлялся выговор с занесением в протокол заседания; во второй раз — вычет дневного заработка, как за прогул, а в третий раз — выговор с опубликованием его в печати.

...Около трех часов Экономическая комиссия решала сложнейшую проблему — где взять топливо? Стояли заводы, поезда, электростанции. Не отапливались квартиры. Дров не было в школах, и они закрывались. Не были обеспечены дровами больницы, госпитали и родильные дома.

Можно ли закупить уголь за границей? Где? Сколько?

На эти вопросы Экономической комиссии отвечал представитель Наркомата иностранных дел.

А как дела в Донбассе, на Урале? Как привезти нефть из Баку и Грозного? Где ближе, удобнее добывать торф? Специалисты изобрели машину — торф можно добывать водой! Что за машина? Где она?

Страна богата лесами. Но вывезти дрова из леса можно только на лошадях. Чтобы создать материальную заинтересованность возчиков, нужны товары для премирования, нужны хлебные пайки. Где их взять?..

Представители наркоматов и ведомств обсуждали все эти проблемы, отвечали на вопросы Владимира Ильича, все вместе искали выход из создавшегося положения.

БЕСЕДА С «АНТОНОВЦАМИ»

С двух до четырех часов дня Владимир Ильич Ленин участвовал в заседании Политбюро Центрального Комитета партии. Обсуждались разные проблемы того времени. И среди них — положение в Тамбовской губернии, охваченной кулацко-эсеровским мятежом.

Крестьяне в Тамбовской губернии, по Всероссийской переписи населения 1920 года, составляли 92,7 процента. В некоторых уездах их было еще больше — 98 процентов. Из 3,6 миллиона человек населения рабочих насчитывалось всего лишь 17 426 человек. И те были заняты на мелких предприятиях, расположенных в сельской местности.

Тамбовский крестьянин был более зажиточным, чем крестьяне соседних губерний центрально-черноземной полосы страны. Большой процент среди сельского населения составляли кулаки.

Война в России длилась свыше семи лет. Сначала империалистическая, потом — гражданская. В период гражданской войны Советское государство вынуждено было черпать продовольствие для армии и городского населения из наиболее богатых сельскохозяйственных районов. Люди вынужденно свыклись с лишениями и тяготами военного времени. Крестьянин роптал, выражал недовольство тем, что у него забирали хлеб или скот, и в то же время понимал, что так надо для победы над его же врагом. А не будет победы Советской власти — вернется помещик и опять отберет землю, установит прежние порядки.

Интервенты не могли понять этой психологии русского крестьянина. Характерны воспоминания английского политического деятеля, члена парламента К. Зиллиакуса, бывшего офицера английской военной миссии при Колчаке. В своих мемуарах он пишет:

«Я вспоминаю донесение британского офицера разведки,

который в деревне допрашивал крестьян. Он спросил, почему они сражаются на стороне большевиков, которые забрали зерно и скот, лошадей и телеги? Ему отвечал старый крестьянин:

— Да, они забирают все, потому что должны воевать против белых. Но, прежде чем забрать наше добро, они созывают собрания и разъясняют, что это необходимо, если мы хотим сохранить землю. Когда приходят белые, они также забирают все, да еще в придачу бьют и убивают наших, отнимают землю, которую дала нам революция.

Но как только угроза возвращения помещиков миновала, крестьянам уже не хотелось мириться с трудностями «военного коммунизма». Враги Советской власти использовали недовольство крестьян, призывали их выступать против диктатуры пролетариата.

На Тамбовщине была очень сильна кулацкая партия эсеров. Они сумели протащить своих представителей в местные Советы, в губернскую Чрезвычайную комиссию и в органы милиции. Эти ставленники своими действиями сознательно дискредитировали Советскую власть, Коммунистическую партию. Свои контрреволюционные замыслы классовые враги маскировали лозунгами борьбы «за свободные Советы», за «свержение власти коммунистов-большевиков».

Эсеровская верхушка рассчитывала, что мятеж на Тамбовщине будет началом вооруженного восстания против Советской власти во всей стране.

Для мятежа и открытого выступления банд Антонова «Центр» правых эсеров выбрал осень 1920 года.

Эсеры называли банды Антонова регулярной повстанческой армией и намеревались преобразовать ее затем в армию будущего правительства. Банды антоновцев строились по типу регулярных войск: отряды, полки, бригады. Для поддержания дисциплины мятежники ввели телесные наказания и должность палача в каждом полку. Выпускались контрреволюционные листовки и газеты. Брат Антонова Митька был назначен на должность мемуариста, и с первых же дней мятежа принялся за создание «Великой истории похода против Советской власти». Он писал в стихах воззвания к населению, призывая бороться за «жирную жизнь».

Армия Антонова состояла из кулаков, дезертиров, уголовников. Поддавшись эсеровской агитации, за Антоновым шла часть крестьян-тружеников, середняков и бедняков, недоволь-

ных отдельными несправедливыми действиями работников продотрядов. Многие стали антоновцами по принуждению.

Эсеры и меньшевики с помощью мятежников устанавливали на местах свою административную власть. По свидетельству очевидцев, это происходило так.

...Церковные колокола в селе били в набат, созывая жителей на сход. Тех, кто задерживался, не шел, сгоняли силой.

Бандит, потрясая наганом, объявлял:

— Советская власть, коммунисты отныне недействительны.

Мы — антоновцы! Теперь власть наша!

Он предлагал создать в селе новую власть. Читал список кулаков и дезертиров.

— Кто за?

Сход молчал.

— Кто против?

Тоже все молчали.

— Значит, считаем управу избранной. Разойдись! Выбранным в управу остаться.

На заседании управы оглашалась «воля Александра Степановича» (так бандиты величали своего главаря Антонова): «Собрать всех коммунистов, работников Сельсовета, милиционеров, агентов по заготовкам, уполномоченных разных и прочих кровопивцев... А там видно будет».

Вскоре опять сгоняют все население села — приехал сам Антонов.

На сходе объявляют:

— Советы ликвидированы. Вся власть переходит в руки Антонова. Село переводится на осадное положение. В село никого не впускать и не выпускать. Подозрительных без всякого суда в яругу.

И на глазах у схода бандиты расстреливали или рубили шашками нескольких арестованных. Остальных уводили за околицу и там расстреливали.

На ночь Антонов со своим штабом останавливался в доме у самого богатого кулака. Рекой лился самогон. Во дворе резали баранов, тут же жарили целыми тушами. Надрывались четыре гармошки. Бандиты пировали.

А утром головной полк антоновцев вместе с главным штабом мятежников двигался в очередное село, насильно угоняя с собой всех мужчин, способных носить оружие.

Владимир Ильич Ленин пристально следил за событиями в Тамбовской губернии. В сентябре 1920 года в одном из лич-

ных писем к председателю Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтеру он спрашивал:

«Как дела в Тамбовской губернии?»

Голод?

Не накормить? (местными средствами).

Что предпринимаете?

Лучшие приветы! Ваш Ленин».

Владимир Ильич высоко ценил организаторский талант Александра Григорьевича Шлихтера, не раз вносил предложение в Совнарком о посылке его на трудные и ответственные участки.

На письмо Ленина Шлихтер ответил: «Окончательная ликвидация бандитского движения задерживается отсутствием достаточного количества кавалерии. Бандиты продвигаются со скоростью 60—100 верст в день, наши пехотные части иногда теряют соприкосновение с ними...»

Владимир Ильич написал на этом документе: «Т. Склянский! Дайте... точный приказ *добиться быстрой и полной ликвидации*. О принятых мерах мне сообщить».

Обстановка на Тамбовщине оставалась опасной. Мятежники захватывали все большие территории, терроризировали население, расправлялись с советскими и партийными работниками. Их поддерживали многие крестьяне.

— Положение в Тамбовской губернии очень серьезное, — сказал Владимир Ильич, — но не безвыходное. Придется послать туда еще группу коммунистов в помощь местной партийной организации для усиления разъяснительной работы среди населения.

А голодающим крестьянским хозяйствам нужно помочь. Предлагаю обязать Наркомпрод срочно рассмотреть вопрос о снижении продразверстки в уездах, пострадавших от неурожая.

Готовя замену продразверстки продовольственным налогом, Владимир Ильич принимал крестьян из различных районов страны. Одни приходили сами, по поручению местного схода, других специально приглашали в Кремль. Владимир Ильич считал эти встречи ценнейшим источником информации о положении в деревне. Очень внимательно читал он крестьянские письма. «Ведь это же подлинные документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!» — говорил Ленин редактору «Бедноты» В. А. Карпинскому о крестьянских письмах в газету.

В решении Политбюро, принятом в этот день, намечалось

расширить снабжение деревни предметами первой необходимости: солью, керосином, мануфактурой, сельскохозяйственным инвентарем. Внешторгу было предложено срочно увеличить закупки за границей серпов, кос, плугов, сеялок.

Через два дня, 4 февраля 1921 года, в Тамбов пришла телеграмма из Москвы:

ТМБ Губком РКП(б). Секретарю тов. Васильеву... Цека постановил командировать Тамбов двести партработников...». Всего в тот период в Тамбовскую губернию было направлено около полутора тысяч опытных партийных работников.

Еще в сентябре 1920 года, анализируя доклад комиссии о положении в Тамбовской губернии, Владимир Ильич обратился с запиской в Наркомпрод: «Обратите внимание. Верна ли разверстка 11 млн. пудов? Не скостить ли?»

Но наркомпродовцы считали, что возникновение мятежа и срыв заготовок хлеба в Тамбовской губернии объясняется тем, что там мало частей Красной Армии, что с мятежниками надо бороться только вооруженной силой.

Об этом же говорили с Владимиром Ильичем и делегаты из Тамбовской губернии на VIII Всероссийском съезде Советов.

— Оружие, войска мы вам пришлем. Но мне кажется, что мятеж можно подавить не только силой.

— А как же еще бороться с врагами?

— Убеждением.

— Антоновцы зверствуют.

— Но состав мятежников не однороден. Подавив мятеж силой, мы еще не добьемся победы. Не забывайте психологию крестьянина. Страшна не та «сухаревка», которая была на Сухаревской площади Москвы или открытая где-нибудь тайно на другой площади, а та «сухаревка» страшна, которая сидит в душе каждого единоличного крестьянина.

Владимир Ильич хотел сам побеседовать с крестьянами-антоновцами и попросил прислать к нему 5—6 крестьян, сочувствующих антоновцам. Желательно авторитетных и пожилых.

8 февраля 1921 года вопрос о посылке антоновцев в Москву решался на специальном заседании Тамбовского губкома партии, где было принято решение об освобождении из мест заключения всех узников, которые не являлись вожаками бандитского движения. Губком постановил также отобрать шесть мужиков для посылки к Ленину из числа находящихся в настоящее время арестованными по подозрению в бандитизме и из арестованных Губчека.

12 февраля шестерых «антоновцев» собрали вместе во дворе Казанского монастыря, стоявшего на крутом берегу Цны в Тамбове. Там, за высокими кирпичными стенами, находилась Губчека. Бородачи полагали, что их привезли туда для главного допроса или суда. Вскоре ворота монастыря раскрылись, и их увели под охраной в воинскую часть, расположенную на другом конце города. Там снова посадили за решетку.

К вечеру каждому вручили железную кружку, полбуханки ржаного хлеба и один на всех жестяной чайник. Предложили выходить во двор строиться.

Впереди шел самый старший из них, коренастый бородач Бочаров Василий Петрович из Воронцовской волости. Это был всеми уважаемый на селе человек. Надел земли у него был небольшой. Василий Петрович унаследовал от отца и деда ремесло бочара, занимался больше кустарным промыслом, имел свою мастерскую.

Рядом с Бочаровым поставили кулака Милосердова из Трескинской волости. Высокий, худощавый, с продолговатым лицом и клинообразной бородкой. Он имел большое хозяйство. Да кроме того, занимался скупкой хлеба.

Позади них поставили двух середняков: Алексея Ивановича Рыбина из Пахотноугловской волости и Матвея Евстигнеевича Соломатина из Трескинской волости Кирсановского уезда — центра антоновщины. Соломатин — бывалый солдат-артиллерист, прошедший со своей батареей всю империалистическую войну. Получил Георгиевский крест за храбрость. Вернувшись в родное село Грушовка, продолжал ходить в солдатской шинели и папаче. Истосковался по земле-кормилице, и все его помыслы были заняты подготовкой к весне. Ремонтировал плуг, борону. Радовался тому, что жена с сыновьями не обнищали, держали пару добрых лошадей. Антоновские банды нагрянули вихрем и увели с собой солдата Соломатина вместе с его лошадьми. Так он стал «бандитом-антоновцем» и угодил в Чека.

Третьей парой в этом построении были бедняки Федор Яковлевич Панфилов из Трескинской волости и Иван Анисимович Кобзев из Пахотноугловской волости.

Так вот, в окружении конвоя, и отправились через весь город на вокзал.

К пассажирскому поезду на Москву был прицеплен товарный вагон с печкой «буржуйкой» посередине и с несколькими охапками соломы на полу.

Крестьянам предложили располагаться в одной половине теплушки. Солдаты-конвоиры со своим командиром заняли вторую.

С этим же поездом в Москву поехали секретарь губкома Немцов, заместитель командующего Редзько и начальник зем-отдела Беляков.

Тамбовский поезд, идущий в Москву, не развивал большой скорости. Он останавливался в Рязани, Луховицах, Воскресенске. Антоновцы поочередно выходили из вагона и расспрашивали каждого встречного, какая в городах власть. А те смотрели на них с удивлением:

— Как какая? Обыкновенная — Советская...

На вокзале в Москве тамбовцев ожидал грузовик. Привезли их в Кремль. Сразу повели в баню, потом — завтракать. До вечера крестьяне отдыхали.

Днем Владимир Ильич предварительно беседовал с секретарем губкома Немцовым о положении в губернии и назначил встречу на семь часов вечера.

В кремлевский кабинет Ленина Немцов, Беляков и Редзько вошли с опозданием.

— Куда это годится? — сказал Ленин. — Мы же условились на семь.

Тамбовцы пришли в приемную Совнаркома вовремя. Задержка была не по их вине — долго регистрировали. Взяв вину на себя и извинившись, Немцов подал Владимиру Ильичу список и кратко охарактеризовал каждого крестьянина, упомянув, кто как одет.

Владимир Ильич вышел в приемную приглашать гостей. Подойдя к самому старшему из крестьян, сказал:

— Вы, видимо, и есть Василий Петрович Бочаров?

Польщенный вниманием старик ответил:

— Не ошиблись, он самый.

— Заходите, товарищи, — пригласил Ленин.

В кабинете крестьяне сели в кресла, шапки положили на колени.

Владимир Ильич сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и начал беседу:

— Странно. Я просил товарищей привезти в Москву настоящих антоновцев. А вот сейчас смотрю на вас и не вижу здесь бандитов! Вижу обыкновенных русских крестьян.

— Мы и есть обыкновенные крестьяне, — ответил Бочаров.

— Ошибиться трудно. Но вот мне непонятно, почему это у вас такой странный вид?

— Так мы же из монастыря, — сказал Бочаров.

— Из монастыря? А что вы там делали?

— В монастыре Губчека...

— Значит, вы те крестьяне, которые выступили против Советской власти? Так чего же вы добиваетесь? Вы хотите свергнуть Советскую власть и вернуть своего помещика? Чью землю передала вам Советская власть?

— Помещика Лихтенбергского.

— Разве при нем вы жили лучше?

— Нет! — решительно сказал Соломатин и встал.

— Садитесь, Матвей Евстигнеевич, садитесь, — попросил Ленин. — Сколько земли было у этого помещика?

— Свыше трех тысяч десятин, — дал справку Немцов.

— Я не сомневаюсь, — продолжал Владимир Ильич, — помещик вам не нужен. Советской власти он тоже ни к чему. Выходит, здесь у нас с вами общие взгляды, общие цели.

— Верно...

— И вот теперь, когда помещиков на нашей земле нет, гражданскую войну мы закончили, решили строить новые электрические станции, восстанавливать фабрики и заводы, когда приближается пора пахать и сеять, вы чем-то недовольны. Сеять хотя бы вы собираетесь? Семена у вас есть? Лошади целы или всех бандиту Антонову отвели?

Крестьяне молчали, поглядывали друг на друга.

Немцов сказал:

— Кобзев, ты же коммунист. Может, ответишь?

— Коммунист и ангоновец? — удивился Ленин. Он вышел из-за стола, сел в свободное кресло рядом с крестьянами, переспросил:

— Это вы, Иван Анисимович, коммунист? Как же это могло случиться?

— Он ни в чем не виновен... — заступился Бочаров. — Говори, Иван Анисимович, чего стесняешься. Не в молчанку же играть нас сюда привезли.

Кобзев робко сказал:

— Бедняк я, товарищ Ульянов-Ленин. Бедняк по наследству от батьки бедняка, бедняк и по положению, хотя Советская власть и дала мне землю. В партию большевиков-коммунистов записался недавно. Видел, что она об нас, бедняках, хлопочет. Поначалу землю по декрету нам дали. Меня в комбед избрали. Стал я понемногу разбираться, что к чему, какие партии да люди куда клонят. А вот прошлой осенью в наше село заяв-

ляется конный отряд антоновцев. Поначалу шастали они по заводам да кооперативам — забирали все подчистую, жгли, грабили, убивали. Явились они к нам и ударили в набат: кличут всех на сход. Не пойти нельзя — сгоняли силой. На сходе объявили: «Советской власти боле не будет. Теперь властью будет Союз Трудового народа».

— Так это же эсеровские штучки, — заметил Ленин.

— А шут их знает, чей он, этот союз. Меня и других коммунистов в амбар заперли и часовых приставили. Покончить с нами в этот день антоновцы не успели. Нагрянула Красная Армия, и нас освободили. Товарищи из Губчека стали разбираться, кто, чего, да почему? Призывают меня на допрос.

— Коммунист?

— Да.

— Где был, когда антоновцы село заняли?

— Здесь, в селе.

— А почему они тебя не расстреляли?

Рассказываю, что был арестован, сидел в амбаре, грозилась расправой да не успели — товарищи красноармейцы освободили... Чекисты не поверили, и меня — за решетку. Вот и получается карусель... Антоновцы арестовали меня как коммуниста, а чекисты арестовали как антоновца...

— Случай с товарищем Кобзевым — это возмутительный пример беззакония, неразберихи и самоуправства, — сказал Владимир Ильич. — В этом мы разберемся. Ну, а вы чем недовольны, товарищи? Я называю вас товарищами потому, что не считаю врагами Советской власти. Говорите, не стесняйтесь.

Крестьянам хотелось рассказать о наблевшем, но они не спешили. Неловкое молчание прервал Владимир Ильич:

— Стране нужен хлеб. И его должны дать вы — крестьяне.

— Чего тут не понять — яснее ясного, — заметил молчавший все время середняк Рыбин.

— А если «яснее ясного», почему хлеба не даете рабочим, их детям, Красной Армии? Люди в городах голодают, заводы из-за нехватки продовольствия останавливаются.

— Нет у нас хлеба, товарищ Ульянов-Ленин.

— Так-таки и нет? Вы же в восемнадцатом и девятнадцатом годах исправно выполняли продразверстку. Верно, товарищ Немцов? Сколько Тамбовская губерния дала хлеба?

Немцов ответил:

— В 1918 году — девять миллиионов пудов, а в 1919—1920 годах — двенадцать с лишним миллиионов пудов.

— За чем же сейчас остановка?

— В двадцатом году у нас был недород, — ответил старик Бочаров. — А разверстка увеличилась. Прототрядчики стали забирать все подчистую. У мужика сильное недовольство разверсткой. — Немного помедлив, он продолжал: — Нешто мы не знаем, что государству нужен хлеб? Нешто мы не понимаем, что без крестьянского хлеба погибнут детушки рабочих? Знаем мы и то, что красный солдат без хлеба тоже не воин. Все знаем, все понимаем! И даем хлеб. Но ведь порядка нет. Сегодня одни забрали все. Завтра приходят другие прототрядчики и снова требуют. Им говоришь: уже все забрали и сусеки пусты.

— Но ведь некоторые крестьяне хранят хлеб не голько в сусеках, — возразил Владимир Ильич. — Есть и такие, что гноят зерно в ямах, в то время как рабочие голодают! Вот и приходится отбирать хлеб у таких несознательных крестьян.

— Есть такие, — согласился Бочаров и покосился на кулака Милосердова. — А еще крестьян возмущает нерадивость прототрядчиков, которые добро гноят.

— Это как же?

— А так. У крестьян забирают картофель до последнего. Вывозим на государственные склады. Там сваливаем все в кучи. Картофель гниет. Тогда сгоняют мужиков и баб перебирать картофель. Пудами выбрасывают в овраги. Разве не обидно?

Лицо Владимира Ильича сделалось суровым. Он подошел к письменному столу и сделал новую запись на листке бумаги: «Сгноили картошку. Берут. Гноят».

— Разве на селе хозяйственные люди перевелись? Некому навести порядок? — спросил Владимир Ильич Бочарова.

— Хозяйственный мужик он сам по себе, а работники совхозов, прототрядчики сами по себе. Есть такие, что зря жалованье получают...

Далее Бочаров рассказал, как эти работники не выполняют свои обещания перед крестьянами и тем самым подрывают авторитет Советской власти.

Владимир Ильич сурово глянул на секретаря губкома партии и сделал на листке очередную пометку: «Соли нет. Раз только давали за вывоз дров. Обещают (продукты), а не дают...»

— Факты, о которых вы рассказали, Василий Петрович, возмутительны. Мы разберемся и будем вести решительную

борьбу с нерадивыми работниками, — сказал Ленин. — А хлеб вы, товарищи тамбовцы, дадите государству?

— Торговлишку бы свободную открыли... — заерзал в кресле Миросердов.

— Да отстань ты со своей торговлей, — зло оборвал кулака Панфилов.

Заговорили все разом.

— Мы дадим хлеб. Но только чтобы по-справедливому. Нужен какой-то порядок, — сказал Соломатин.

— Дадим, дадим!

— Вот это деловой разговор, — в первый раз за время беседы улыбнулся Владимир Ильич. — Крестьянский труд — нелегкий. И вам живется нелегко сейчас. Продразверстка — это вынужденная и временная мера, введенная на период войны. Государство берет у вас хлеб, чтобы кормить Красную Армию и рабочих. Но берет взаймы, в долг. За все оно рассчитается сполна машинами, одеждой, обувью и другими товарами, которые вам необходимы. Платить вам будут через кооперацию.

Тамбовцы слушали внимательно.

Владимир Ильич продолжал:

— Скоро весна. Нужно готовиться к севу, а вы бунтуете да митингуете, убиваете друг друга. Сейте больше. Это выгодно будет и вам и государству. Скоро будет принято решение правительства о новой экономической политике. Продразверстку отменим. Крестьяне будут иметь твердый продовольственный налог. Излишками хлеба смогут распоряжаться по своему усмотрению. А теперь поезжайте домой и убеждайте крестьян. Пусть не разоряют себя, а занимаются делом — выращивают хлеб, помогают Советской власти восстанавливать народное хозяйство. Создавайте кооперацию в каждом селе...

Вас, товарищи крестьяне, прошу почаще обращаться в Москву, ко мне лично. Пишите о своих делах или приезжайте.

Весна не за горами. С антоновщиной нужно покончить до ссва. Если не справитесь сами, пришлем войска.

Тамбовцы шумно поднялись, собираясь уходить. Бочаров на прощание сказал:

— Насчет войск не извольте беспокоиться. Теперь мы сами покончим с бандитизмом, сами вытравим эту нечисть.

Из Москвы тамбовские «узники» возвращались в плацкартном вагоне.

Разговорам не было конца. О Владимире Ильиче Ленине говорили восторженно:

- Вот это человек!
- Все решает по справедливости!
- С таким не пропадем!..

С рассказами о поездке в Москву к Ленину выступили крестьяне Кобзев, Рыбин и Бочаров.

Рассказывали обо всем до мельчайших подробностей, а в заключение Бочаров сказал:

— Вот и выходит, обмишулились мы, мужики тамбовские, на всю Россию. Стыд и позор! Бандюга Антонов запугал и обманул своей брехней, что Советской власти нет даже в Москве. А Советская власть есть, и она за крестьян. Ленин приказал скинуть продразверстку. Теперь будем платить твердый налог, а лишний хлеб можем продавать. Владимир Ильич Ульянов-Ленин просил передать крестьянам привет, а еще просил сеять побольше.

Тамбовским «узникам», разъезжавшимся по домам, выдали по три аршина ситца и мандаты губисполкома. Мандат поручал каждому из крестьян разоблачать антоновщину, разъяснять задачи Советской власти по крестьянским делам.

Для крестьян, попавших в банду по принуждению и освобожденных затем из тюрьмы, это было величайшим доверием Советской власти.

Послушать Василия Петровича Бочарова, выступавшего в Ивановской волости, собралось несколько сот крестьян. Сняв шапку, пригладив на голове седые волосы и окладистую бороду, старик начал свою речь так:

— Братья-крестьяне! Недавно я был в Москве у самого товарища Ульянова-Ленина...

На площади воцарилась тишина. Бочаров продолжал...

— Ульянов-Ленин, дорогие товарищи, — это такой человек, это такой друг крестьян! Он сказал нам — пусть крестьяне немного потерпят, пусть поймут наши общие трудности, помогут Советской власти, а Советская власть поможет им. Ульянов-Ленин верит нам. Он приказал освободить всех, кто по темноте своей шел за убийцей и обманщиком Алексашкой Антоновым...

— Не слушайте его, он продался большевикам за три аршина ситца. Такому башку долой и в яругу! — крикнул кто-то из толпы.

Народ зашумел. Раздались голоса:

— Тише! Пущай Бочаров рассказывает про Ленина...

— Ульянов-Ленин сказал, что верит нам. Он надеется, что мы сами искореним банды...

Голос Бочарова заглушил сухой винтовочный выстрел. Пуля со свистом пролетела над его головой и ввинтилась в стену дома, у которого он стоял. Толпа вздрогнула и повернулась в сторону стрелявшего.

— Кто стреляет?! — спросил дрогнувшим от волнения голосом старик. — Не боюсь я тебя, сучий сын! Меня можешь убить. А правда ленинская останется жить...

В Тамбовскую и смежные с ней губернии из центра была направлена Полномочная комиссия ВЦИК во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко для оказания помощи местным партийным и советским организациям. Крестьян Тамбовщины досрочно, за месяц до введения НЭПА, освободили от уплаты продовольственного налога, выдали им семена для посева. Было проведено несколько открытых судебных процессов против злостных эсеров-бандитов.

Трудящиеся крестьяне увидели, чьи интересы защищает Советская власть, и сами стали все более активно бороться с бандитизмом. Против Советской власти продолжали откровенно выступать лишь закоренелые враги советского строя, контрреволюционные элементы, занимавшиеся грабежом и разбоем. Их можно было «переубедить» только оружием.

Учитывая перелом в настроении крестьянства, ЦК партии 27 апреля 1921 года поставил задачу ликвидировать антоновщину в течение месяца.

В Тамбовскую губернию были направлены регулярные войска Красной Армии. Под ударами советских войск, поддерживаемых местными крестьянами, «армия» Антонова распалась на отдельные банды.

За май — июль 1921 года явились сами с повинной, были взяты в плен во время боев и облав 16 370 антоновцев. Добровольно явилось или было задержано при облавах свыше двадцати тысяч дезертиров, за счет которых в основном пополнялась армия мятежников. У антоновцев и дезертиров было изъято большое количество оружия.

В городах и селах Тамбовской губернии было вновь создано 114 волостных и сельских Советов и 93 ревкома.

Командующий войсками на Тамбовщине М. Н. Тухачевский в июле 1921 года докладывал Ленину: «Советская власть восстановлена повсеместно...»

В этот день, 2 февраля, в Москве закончил работу II Всероссийский съезд горнорабочих. В заседаниях фракций накануне съезда принимал участие и Владимир Ильич Ленин.

За девять дней своей работы съезд обсудил отчет Центрального комитета союза горнорабочих, ряд проблем, возникших перед профсоюзами, а также вопросы снабжения страны топливом.

Из-за недостатка топлива стояли тысячи фабрик и заводов, нарушилось железнодорожное сообщение. Советское правительство принимало все возможные меры, чтобы увеличить добычу всех видов топлива: дров, торфа, угля, нефти, газа, электричества. Совет Труда и Обороны объявил мобилизацию горнорабочих.

Член Центрального комитета профсоюза горнорабочих, являвшийся одновременно и членом президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, — Федор Федорович Сыромолотов обратился 2 февраля к Владимиру Ильичу Ленину с докладной запиской по поводу мобилизации горнорабочих. Владимир Ильич тут же ответил ему:

«Внесите в ЦЕКА 10—15 строк точно и ясно».

В этот же день В. И. Ленин подписал мандат Ф. Ф. Сыромолотову о посылке его на Урал для обследования уральской промышленности и срочного поднятия ее производительности.

...Урал. Страна гор.

Владимир Ильич всегда проявлял большой интерес к Уралу. Писал об этом крае, придавал ему важное экономическое и политическое значение. Там была крупная боевая организация большевиков, которая послала в 1907 году на V (Лондонский) съезд РСДРП 19 делегатов. В. И. Ленин был избран верхнекамской организацией.

К октябрю 1917 года партийная организация Урала насчитывала больше 34 тысяч членов и была одной из крупных и боеспособных в стране.

Разрабатывая план вооруженного восстания, Центральный Комитет партии поручил большевикам Урала, в случае необходимости, направить в столицу надежные отряды для оказания помощи революционным рабочим и солдатам.

Кроме того, уральцы должны были обеспечить связь центра страны с Сибирью и Туркестаном для оказания им поддержки и доставки оттуда продовольствия в промышленные районы.

Уральские большевики полностью одобрили линию ЦК и готовились к выполнению партийного задания.

На другой же день после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Советская власть была установлена в Екатеринбурге и Уфе, затем в Ижевске, Челябинске, Мотовилихе, Перми.

Советская власть на Урале встретила ожесточенное сопротивление со стороны контрреволюции. Находившиеся в Петрограде правления горнопромышленных обществ, которым принадлежало большинство заводов Урала, перестали переводить на заводы деньги для выплаты рабочим заработной платы.

Уральский Совет командировал в Петроград своего депутата Воробьева. Тот побывал у Ленина, рассказал ему о положении на Урале. И Владимир Ильич обратился тогда к Шляпникову и Дзержинскому с запиской: «Надо *здесь* (в Питере находящиеся) правления уральских заводов *арестовать* немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и *конфисковать* все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее».

Саботажники были вскоре арестованы, а уральские заводы объявлены собственностью народа.

Уже тогда Владимир Ильич выдвинул идею создания единого комплекса горнометаллургической промышленности на Востоке, объединив металлургию Урала с Кузнецким угольным районом Сибири.

В начале мая 1918 года молодой Советской республике были предъявлены категорические требования. Германия, нарушившая Брестский мир, требовала передать Финляндии часть советской территории под Петроградом. Ультиматум предъявила Англия, высадившая свои войска в Мурманске. Свои требования предъявила Япония, вторгшаяся на Дальний Восток.

6 мая ночью открылось заседание Центрального Комитета партии, чтобы обсудить создавшееся положение.

Пока шли прения, Владимир Ильич написал очень короткий проект постановления ЦК о международном положении:

«Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем против Японии)».

И тут же пункт постановления:

«Направить все силы на защиту уральско-кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии».

В мае — июне 1918 года армии белых заняли крупные цент-

ры Урала и к осени создали в Екатеринбурге свое уральское «правительство».

«Гражданская война, — писал тогда Владимир Ильич, — перед Красной Армией поставила первоочередную задачу — освободить Волгу, Урал и Сибирь от вражеских войск».

Армии Колчака нанесли значительный урон промышленному Уралу. Они разрушили две трети всех заводов, уничтожили речной флот, занимавший ведущее место в подвозе руды и топлива, угнали все железнодорожные вагоны и паровозы. После окончания гражданской войны на Урале выплавлялось чугуна в 12 раз меньше, чем до первой мировой войны.

В жесточайшей схватке двух миров, происходившей на огромной территории России, Красная Армия в начале 1920 года добилась возможности для Советского государства заняться хозяйственным строительством.

— Нынешняя экономическая разруха в России, — говорил Владимир Ильич Ленин в беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром, — является лишь частью мировой экономической разрухи... Без России Европа не сможет встать на ноги... Мы в России имеем пшеницу, лен, платину, поташ и много полезных ископаемых, в которых испытывает острую потребность весь мир. В конце концов мир должен будет прийти к нам за этим, невзирая на то, большевизм у нас или не большевизм.

На просьбу корреспондента рассказать о внутреннем положении России Ленин ответил:

— Оно является критическим, но имеет хорошие перспективы... Благодаря изумительным подвигам Красной Армии уже началось восстановление народного хозяйства. В настоящее время часть этой армии превращена в трудовые армии; это необыкновенное явление стало возможным только в стране, которая борется за высокий идеал.

Корреспондент спросил:

— Когда, по вашему мнению, будет завершено строительство коммунизма в России?

— Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему путем создания электростанций на Урале и в других местах... Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества.

— Почему вы начинаете с электричества?

— Вся наша промышленность получит энергию от общего источника, способного снабжать в одинаковой степени все ее отрасли. Это устранил непроизводительное соперничество в поисках топлива и создаст прочную экономическую основу для предприятий обрабатывающей промышленности, без чего мы не можем надеяться достичь такого уровня обмена продуктами первой необходимости, который бы соответствовал принципам коммунизма...

Одним из первых в России был создан Комитет по электрификации Урала.

В январе 1920 года Владимир Ильич получил статью Г. М. Кржижановского «Задачи электрификации промышленности». Прочитав ее, Ленин обратился к автору с письмом: «Великолепно.

Нужен ряд таких. Тогда пустим брошюрой. У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом».

Владимир Ильич предлагал составить план строительства электростанций, работающих «на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти». Он просил составить «не технический, а государственный — проект плана».

Ленин торопил с составлением плана, считая, что его «надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*. Доработаемся до *стольких-то* (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.».

В практической разработке плана ГОЭЛРО, начавшейся в 1920 году, в канун VIII Всероссийского съезда Советов, приняло участие свыше 180 лучших специалистов и ученых страны.

«Мы имеем законное право гордиться этой работой...», — писал потом В. И. Ленин.

А составляя план доклада VIII съезду Советов, Владимир Ильич сделал такие записи: «Единый хозяйственный план. Великий план».

В докладе на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин говорил:

— На мой взгляд, это — наша вторая программа партии. У нас уже есть программа партии политическая, это перечень наших заданий, это разъяснение отношений между классами и массами... Наша программа партии не может оставаться только

программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем...

Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться. Она нам нужна как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на 10 лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма.

Пока еще корней капитализма мы не вырвали, фундамент, основу его у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве. И чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, базу современного крупного производства. Такой базой является электрификация.

Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

Когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно.

VIII Всероссийский съезд Советов утвердил план ГОЭЛРО, и Владимир Ильич тут же выдвинул задачу широкой пропаганды этого плана. Он написал Проект резолюции фракции РКП(б) VIII съезда Советов, обязывая всех коммунистов ознакомиться с планом электрификации, принять меры к более широкому изучению на местах каждого районного плана. Резолюция предлагала подготовить к X съезду партии практические предложения: «как о способах более широкого ознакомления всех трудящихся с планом электрификации, так и о способах немедленного приступа со всех концов к началу практического осуществления этого плана».

В плане ГОЭЛРО записано:

«Интересы всего народного хозяйства, регулируемого по определенному государственному плану, выдвигают Урал на первый план, так как положение Урала на границе Европейской

России и Сибири с ее необъятными перспективами развития повелительно диктуют возможно полное использование его богатств». В этих строках воплощена ленинская идея объединения богатств Урала и Сибири.

По плану ГОЭЛРО предполагалось увеличить на Урале производство чугуна более чем в три раза, намечалась постройка мощных металлургических заводов в Богословском районе, в районе гор Высокой и Магнитной.

Владимир Ильич уделял много внимания восстановлению уральской промышленности и возлагал большие надежды на уголь Урала. Ленин дал указание местным партийным, советским и военным органам: «Во что бы то ни стало снабдить всех рабочих Урала, особенно Екатеринбургский район, Кизел и другие угольные районы полным запасом необходимого продовольствия».

В начале 1921 года Кизеловские шахтеры получали по 45—60 фунтов хлеба в месяц, а остальное население — всего лишь по 18 фунтов. Как и по всей стране, здесь не хватало рабочей силы. Однако преимущество Урала перед другими промышленными районами было в том, что рабочие этого края, покинув предприятия, никуда не уезжали. Здесь еще со времен отмены крепостного права капиталисты, чтобы закрепить за собой рабочих, в особенности на мелких шахтах и заводах, наделяли их землей. На огромной территории горнозаводского Урала многие рабочие имели свои жилые дома, огороды, покос, корову, а иногда пашню и лошадь.

Центральный Комитет, посылая Сыромолотова на Урал, поручил ему организовать возвращение шахтеров на работу и закрепить за шахтами и заводами Урала бывших солдат, уволившихся из Первой Трудовой армии.

В день подписания мандата Ф. Ф. Сыромолотову о поездке на Урал Владимир Ильич передал в Президиум ВСНХ письмо представителя горнорабочих Котлярова, который 24 января 1921 года обратился к В. И. Ленину с предложением снять стальные канаты с подъемных машин в жилых домах Москвы и передать их для использования в шахтах, механизмы которых простаивают из-за отсутствия канатов. На этом письме Владимир Ильич написал:

«Надо бы собрать справки и выяснить, нельзя ли тут что сделать для помощи горному делу. Отнять все лишнее?»

Через три месяца Ленин снова обратился в Президиум ВСНХ: «2 февраля за № 785/уп. я через Горбунова послал Вам письмо тов. *Котлярова* с предложением использовать бездействующие подъемные машины в больших городах со всем их оборудованием для горных промыслов с следующей резолюцией...» и с возмущением отметил, что над этой проблемой работали уже пять комиссий. «Уже комиссия № 3 с очевидностью установила, что оборудование лифтов безусловно можно частично использовать для горной промышленности. Но до сих пор практически ровно ничего не сделано; дело тянется бесконечно долго и бесцельно...»

Владимир Ильич предложил обсудить этот вопрос в Совете Труда и Оборона 25 мая. В прилагаемом проекте постановления он предложил: «...Утилизировать части подъемников Москвы, Петрограда и других больших городов, годные для горной промышленности, как-то: лебедки, барабаны, канаты».

На машинописном тексте Владимир Ильич дописал:

«Добавляю (а) Назначить ответственное лицо.

(б) Наказать за волокиту (с марта по май).

Доклад Н. П. Горбунову».

25 мая 1921 года Совет Труда и Оборона рассматривал этот вопрос и принял, с небольшими изменениями, проект постановления, составленный В. И. Лениным. Наркомату юстиции предложено было «произвести расследование и наказать виновных в волоките, благодаря которой поручение председателя Совета Народных Комиссаров президиуму ВСНХ, данное 2 февраля 1921 года... до сих пор практически не исполнено».

На Урале было сильно эсеров-кулацкое влияние. В Ишимском и Тюменском уездах вспыхнул кулацкий мятеж. Банды кулаков, белогвардейского офицерства, дезертиров орудовали и в Пермской губернии. В одном только Осинском уезде они убили за год около тысячи активистов и сторонников Советской власти.

Решение вопросов, с которыми прибыл на Урал старый большевик-уралец Федор Федорович Сыромолотов, осложнялось еще и тем, что здесь, как по всей стране, шла профсоюзная дискуссия.

После окончания гражданской войны, когда страна приступила к восстановлению народного хозяйства, партия ставит вопрос о большей демократизации деятельности профессиональных

союзов по сравнению с периодом гражданской войны. Троцкий же, необоснованно заявляя о кризисе профсоюзов, предлагал применить к ним ряд «крайне резких и крупных организационных мер» — произвести «перетряхивание» профсоюзов, поставить у руководства ими людей, способных «закрутить гайки», ввести в работу с массами методы принуждения. Профсоюзы, по его мнению, должны заниматься административно-хозяйственной деятельностью, но не вопросами воспитания масс и защиты их экономических интересов. В этих предложениях таилась опасность раскола рабочего класса, восстановления его против партии, что угрожало всей системе диктатуры пролетариата.

Милитаризацию внутренней жизни, резкое ограничение демократии Троцкий считал необходимым для того, чтобы «держать в узде многочисленное крестьянство, которое, по его мнению, было враждебно социализму. Он утверждал также, что милитаризация внутренней жизни подготовит Россию к «революционной войне», которая ускорит мировую революцию.

Внешнеполитические авантюры, столкновение рабочих и крестьян — вот что скрывалось за троцкистской фразой.

Позицию Троцкого Владимир Ильич Ленин оценил так: «эта ошибка, если ее не осознать и не исправить, *ведет* к падению диктатуры пролетариата».

ЦК партии, обсудив наметившиеся в рядах коммунистов разногласия, постановил вопрос о профсоюзах не выносить на широкое обсуждение. Однако Троцкий, нарушив партийную дисциплину, выступил 3 ноября 1920 года со своей платформой на заседании фракции РКП(б) V Всероссийской профсоюзной конференции, предложив выбирать делегатов на X съезд партии по платформам. Так партии была навязана дискуссия.

— Из-за чего же действительно у нас дружная работа не получается, которая нам так нужна? — спрашивал В. И. Ленин, выступая перед коммунистами — делегатами VIII съезда Советов, членами ВЦСПС и МГСПС. И сам ответил:

— Из-за расхождения по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой...

Профсоюзы не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйствования, школа коммунизма.

В устных выступлениях и в печати Владимир Ильич, развенчивая платформы тех или иных группировок, постоянно

напоминал об авангардной роли Коммунистической партии, которая руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготавливая, воспитывая эту массу рабочих, а затем и крестьян для того, чтобы они полностью овладели управлением всем народным хозяйством.

Вместо того чтобы отдавать все силы спасению людей от голода, восстанавливать фабрики и заводы, наводить порядок на транспорте, где стояли составы с хлебом и топливом, коммунисты и беспартийные рабочие обсуждали все новые и новые «платформы», возникавшие, как грибы после дождя.

О месте профсоюзов в системе диктатуры пролетариата говорили делегаты VIII Всероссийского съезда Советов, собравшиеся решать хозяйственные дела страны, принимать план электрификации. Об этом же спорили делегаты на II Всероссийском съезде горнорабочих. Владимир Ильич сказал тогда:

— Наша точка зрения выражена в платформе, называющейся «Проект постановления X съезда РКП»... Я уверен, что все сознательные рабочие примут эту платформу...

«Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов» был назван «платформой десяти» по числу подписавших ее, или ленинской.

Всюду, где проходила дискуссия, на голосование ставились «платформа десяти», платформа Троцкого с его «огосударствлением профсоюзов», платформа «рабочей оппозиции», настаивавшей на передаче самим производителям управления народным хозяйством, и другие.

За платформу Владимира Ильича Ленина голосовало огромное большинство коммунистов.

ПУТИЛОВСКИЙ ОСТАНОВИЛСЯ

Заседание Политбюро Центрального Комитета партии было неожиданно прервано.

— Путиловский завод прекратил работу!..

Невероятно! Остановился самый большой и, пожалуй, самый важный завод. Ведь Путиловский ремонтировал паровозы. Начал было делать лемехи для плугов. Это неоценимый вклад в борьбу с разрухой и голодом.

В руках у Владимира Ильича телеграмма, только что полученная от Петроградского губкома партии.

Путиловский завод остановился потому, что нет топлива, рабочим перестали выдавать паек. То же самое на Балтийском и на целом ряде других заводов. Гарнизон тоже не обеспечен продовольствием. Нужны чрезвычайные меры, чтобы обеспечить общее политическое руководство и наладить снабжение города хлебом и топливом.

В зале молчание.

— М-да! — нарушает молчание Владимир Ильич. — Этого следовало ожидать.

Взглянув еще раз на телеграмму, Владимир Ильич перевернул ее и написал на обороте:

«Вчера Совет Обороны решил купить 18½ миллионов пудов угля за границей. Продовольственное положение улучшим, ибо сегодня решили дать еще два поезда под хлеб с Кавказа...»

...Новый, 1921, год петроградцы встретили в нетопленых квартирах (дрова не выдавались ни в ноябре, ни в декабре), с голодной пайкой хлеба — полфунта на душу.

Петроград снабжался заграничным углем, доставлявшимся морем. После Октябрьской революции многие капиталистические страны бойкотировали торговлю с Советской Россией. Петроград был переведен на снабжение донецким углем. А Донбасс оказался в огне гражданской войны. После революции угольный бассейн захватили немецкие оккупанты. На смену им пришли войска украинских националистов Центральной Рады, не признававшие Советскую Россию. Потом Донбасс оказался в руках белогвардейских армий Деникина, Врангеля, банд Махно и других врагов революции.

Большинство донецких шахт было затоплено, а их оборудование повреждено. Железнодорожный транспорт важнейшего угольного района страны почти бездействовал, стояли заводы, не работали электростанции. Всюду царил разоруха.

В 1920 году, когда Донбасс был очищен от вражеских войск, в шахтах добывалось в шесть раз меньше угля, чем до революции. Чтобы поднять угледобычу, нужно было наладить снабжение шахтеров. Хлеб нельзя было подвезти потому, что для паровозов не было угля, а угля не было потому, что рабочие не имели хлеба.

Владимир Ильич Ленин придавал огромное значение восстановлению Донбасса.

«Уголь — это настоящий хлеб промышленности, — говорил он, — без этого хлеба промышленность бездействует...»

В конце 1920 года на восстановление Донбасса было посла-

но свыше 30 тысяч воинов Красной Армии. Трудились они самоотверженно. Однако уголь в Петроград доставлялся нерегулярно — железная дорога работала с большими перебоями.

Нефть Кавказа тоже была отрезана от центра.

Петроград оказался без топлива.

Путиловцы не сидели сложа руки. В канун Нового, 1921 года в цехах завода появились объявления:

«С 1 по 9 января включительно все рабочие и служащие с 18 до 45 лет откомандировываются на вывозку и заготовку дров».

В первый январский день тысячи путиловцев с топорами и пилами собрались на Балтийском вокзале и выехали в пригородные леса. Оставшиеся в городе тоже занимались заготовкой топлива: разбирали старые баржи, ломали деревянные дома и заборы.

До путиловцев дошла весть, что на волжских пристанях скопились запасы дров, угля и нефти. Топливо не на чем было вывезти.

Спешно мобилизуется заводской транспорт, налаживается ремонт паровозов и вагонов. Создаются топливные отряды. За короткий срок путиловцам удалось доставить в Петроград 110 эшелонов с дровами и шесть — с углем. Потом был сформирован особый отряд и отправлен в Пермь на заготовку уральского угля.

Таким образом, путиловские рабочие обеспечивали не только свой завод, но и выделяли часть топлива для населения города.

В конце января 1921 года пронеслись снежные бураны. Глубокие заносы затрудняли, а временами и совсем нарушали железнодорожное сообщение с Петроградом. Подвоз топлива почти прекратился. С большими перебоями поступало и продовольствие. А запасов не было никаких. Были дни, когда пайка хлеба не выдавалась совсем. Возле булочных и ночью не расходились огромные очереди.

Не выдержал натиска голода и холода Путиловский. 25 января встал самый большой и ведущий отдел завода — артиллерийский. Рабочие убрали мусор из пролетов, почистили станки, смазали и снесли в кладовую инструменты. Трогательным и тревожным было это расставание с заводом. Чтобы сохранить наиболее квалифицированных рабочих, завком определил их временно на другие заводы.

Губком партии волновала не только остановка завода. В городе создалось «настроение тревожное».

Еще бы! Меньшевики, эсеры и другие контрреволюционные элементы воспользовались создавшейся обстановкой в городе и усилили свою подрывную работу. Склоняли рабочих к забастовкам и выступлениям против Советской власти. Распространяя по городу слухи о мятежах в Сибири, на Кавказе, в Тамбовской губернии, где, по их утверждению, крестьяне уже ликвидировали Советскую власть, меньшевики и эсеры подбивали рабочих на то, чтобы они требовали созыва Учредительного собрания. Враги революции рассчитывали, используя недовольство малосознательной части рабочих, измученных голодом и холодом, свергнуть Советскую власть.

На Нарвской заставе все чаще и чаще стали появляться «морячки» из Кронштадта, где втайне уже готовился вооруженный мятеж. В городе орудовали банды. Враги революции выползали из всех щелей, как и в октябре 1917 года, сразу же после штурма Зимнего дворца.

Одним из первых тогда выпустил коготки хозяин завода Путилов. Заводом фактически уже управлял завком, избранный из рабочих и специалистов. Капиталист предчувствовал, что народная власть скоро конфискует завод. И Путилов не жалел золота для врагов Советской власти. Будучи председателем Русско-Азиатского банка, он отпускал сотни тысяч рублей на корниловский заговор.

В Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов попали документы, разоблачавшие враждебную деятельность Путилова. От него потребовали объяснения. Он, испугавшись ответственности, бежал за границу. Тогда-то и появился на свет любопытнейший документ.

На листе бумаги размером чуть больше обычной почтовой открытки твердая рука вывела фиолетовыми чернилами заглавную букву «В», потом зачеркнула и крупно написала посредине:

ДЕКРЕТ

«В виду того, что Алексей Иванович Путилов на вызов следственной комиссии Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в установленный срок не явился, Совет Народных Комиссаров постановляет — Конфисковать в пользу Российской Республики все движимое и недвижимое имущество Алексея Ивановича Путилова».

Потом другим почерком дописано внизу: «Председ. Сов. Нар. Комисс.». А рядом дорогая и знакомая всем подпись — В. Ульянов (Ленин).

Казалось, покончили путиловцы со своим лютым врагом. Но не тут-то было. Вокруг завода зашныряли банды уголовников. Это недобитый капиталист Путилов нанял их, чтобы внести сумятицу в рабочую среду. Работавшие в вечерней смене боялись возвращаться домой в одиночку. В Дачном, Тентелевке, у Красненького кладбища все чаще и чаще слышались тревожные крики о помощи. Рабочие стали собираться большими группами и уходили после работы с ломками и железными прутами.

Но бандиты наглели.

Тогда завком создал комиссариат революционной охраны. Отряд вооруженных рабочих патрулировал по улицам и перекресткам, устраивал облавы и засады.

Однажды в штаб привезли обезоруженных бандитов Японца и Сибиряка.

— Рано радуется! — нагло заявил один из бандитов. — Судить не имеете права. И мы еще встретимся на узенькой дорожке...

Комиссариат революционной охраны действительно не имел права судить бандитов. Как быть? Токарь Иван Генслер предложил:

— Давайте пустим по заводам Нарвской заставы подписной лист: спросим народ, кто — за расстрел бандитов, кто — против?

Пятнадцать тысяч рабочих высказались за смертную казнь Японца и Сибиряка. Это была воля народа. Рабочие из отряда революционной охраны привели приговор в исполнение.

В Петрограде было вновь объявлено о сокращении пайка хлеба до полуфунта в день. Полфунта — это всего лишь 200 граммов!

Первая электростанция города отключила на десять дней еще 31 предприятие.

Петроградский губком партии обратился к Ленину с просьбой о помощи. «Все запасы топлива исчерпаны», — говорилось в телеграмме. Создалась угроза остановить все электростанции. И тогда не будут действовать водопровод и другие крайне важные службы.

Враги радовались трагедии Петрограда. Эсеры, меньшевики, анархисты уже создали свой «ревком» для свержения Со-

ветской власти и подбивали население города на демонстрацию.

Бывший генерал царской армии Козловский разрабатывал план высадки иностранных войск в Ораниенбауме для похода на Петроград, а затем — и на Москву.

Судьбой Петрограда занимались Центральный Комитет партии, Советское правительство. В обращении ВЦИК за подписью М. И. Калинина говорилось:

«Красный Петроград нужно спасти от развала, его рабочих, его детей от холода и непрерывной голодовки... Шахтеры, напрягите последние силы и дайте Питеру немного угля! Дровяники, нарубите для Питера дров! Крестьяне, дайте немного продовольствия для голодного Питера! Железнодорожники, поставьте себе задачу протолкнуть маршруты для Красного Питера как можно скорее!»

Тогда же при Совете Труда и Оборона была образована постоянная комиссия под председательством Ленина для оказания помощи Петрограду.

В. И. Ленин отправил губкомам партии и губисполкомам телеграммы с просьбой сделать все возможное для спасения крупнейшего пролетарского центра.

И призывы Ленина, призывы Центрального Комитета партии, Советского правительства разнеслись по всей стране.

Первой откликнулась Москва. Несмотря на скудный паек, жители столицы собрали для Петрограда только в январе семьдесят тысяч пудов хлеба, сухарей и других продуктов!

Крестьяне Новгородской губернии спешно отправили пролетарскому Питеру тысячу пудов солонины и несколько вагонов мяса. Из города Павлодара прибыли сухари, крупа, мука, двенадцать с лишним тысяч пудов пшеницы и тысяча пудов мяса. Члены профсоюза Тихорецкого района прислали тысячу пудов кубанской пшеницы. Хлеб и сало послали Петрограду рабочие-пищевики Таврической губернии. Из Мурманска прибыло шесть тысяч пудов рыбы. Советская Абхазия послала шесть вагонов листового табака и 500 фунтов чая.

Красноармейцы многих воинских частей сокращали свой паек, а сэкономленные продукты отправляли в Петроград.

Шахтеры Донбасса перешли на 12-часовой рабочий день, чтобы повысить добычу угля. И вскоре они прислали Петрограду 34 вагона топлива. А потом провели субботник и добыли для Москвы и Петрограда 350 тысяч пудов угля. Субботник помощи Петрограду провели торфяники Боровичей...

В Мурманск прибыл уголь, закупленный в Америке. Не хватало грузчиков. И местная партийная организация обратилась к населению города с призывом:

— Все на погрузку угля для Питера!

Владимир Ильич лично следил за продвижением вагонов с топливом и продовольствием для Петрограда. Он звонил по телефону, вызывал уполномоченных Наркомпрода, слал телеграммы, в которых требовал ускорить погрузку и продвижение вагонов с продовольствием и топливом.

15 февраля Владимир Ильич запросил уполномоченного Наркомпрода на Северном Кавказе, почему сократились отправки продовольствия с Кавказа. И потребовал: «...обеспечьте ежедневную погрузку центру через Батайск—Царицын не менее чем до двухсот вагонов в среднем в сутки».

На другой день Ленин послал в Ростов-на-Дону телеграмму:

«Ввиду обостренного до крайности продовольственного положения Республики, особенно в связи с временным перерывом поступления хлеба из Сибири, должны быть приняты героические меры для усиления и доведения до максимума погрузки и отправки хлеба центру с Северного Кавказа. Совершенно исключительное значение, которое приобрел сейчас Кавказ, налагает на Вас и всех работников по продовольствию и транспорту на Кавказе исключительную ответственность».

Когда Ленин узнал, что в пути застряли поезда с продовольствием, он немедленно написал записку председателю Высшего совета по перевозкам В. В. Фомину:

«1) Какие меры приняты для ускорения движения и надзора за движением семи маршрутов?»

2) Где они сегодня?..»

Фомин ответил, что хлебным маршрутам дана 200-верстная скорость. 200 верст в сутки! Установлен особый надзор за их продвижением.

Петроград выстоял! Немалую роль в борьбе с голодом и разрухой сыграли рабочие Путиловского.

Официально пуск завода состоялся 15 ноября 1921 года. Но путиловцы еще до этого занялись изготовлением деталей для ремонта паровозов и вагонов, необходимых для перевозок топлива и продовольствия. Для решения топливной проблемы металлисты превратились в лесорубов. На выделенной в бывшем Полежаевском лесу делянке они валили деревья, разделяли их и грузили на платформы.

Молодая Советская республика заключила торговые договоры с иностранными государствами. И уже в первую неделю навигации 1921 года в Петроградский порт прибыло несколько пароходов с продовольствием, углем и паровозами из-за границы. А порт оказался не приспособленным для приема больших кораблей. Нужны были землечерпалки для углубления фарватера, металлоконструкции и механизмы для вновь строящихся причалов и подъездных путей.

Эту работу Совет Труда и Оборона поручил путиловцам. И они восстановили порт, оборудовали его подъемными кранами, заменившими корзины и тачки.

На очереди были новые задачи: строить паровозы, механизмы для первенца ГОЭЛРО — Волховстроя, создавать свои, советские тракторы. И с этими заданиями путиловцы успешно справились.

С каждым днем, с каждым годом Путиловский завод, названный позднее заводом имени С. М. Кирова, набирал силу. Он внес огромный вклад в возрождение Петрограда, ныне города-героя Ленинграда.

ПОСЛАНЦЫ СИБИРИ

В шесть часов вечера под председательством В. И. Ленина началось заседание комиссии Центрального Комитета партии по реорганизации Наркомпроса, работа и структура которого не отвечали новым задачам народного образования.

По инициативе Ленина Политбюро Центрального Комитета партии создало специальную комиссию для разработки плана реорганизации Наркомпроса. Документ, подготовленный комиссией, не удовлетворил Ленина.

Вопрос о реорганизации Наркомпроса Владимир Ильич не раз поднимал на заседаниях Центрального Комитета партии. А 8 декабря 1920 года Пленум ЦК РКП(б) принял проект постановления по этому вопросу, предложенный Лениным. Вот один из пунктов этого постановления, который, в сущности, излагает проблему, волновавшую Владимира Ильича:

«Признать в принципе необходимым слияние школ 2-й ступени (или их высших классов) с профессионально-техническим образованием, при 2-х непеременимых условиях: 1) обязательное расширение в профессионально-технических школах предметов

общего образования и коммунизма; 2) обеспечение тотчас и на деле перехода к политехническому образованию, используя для этого всякую электрическую станцию и всякий подходящий завод».

В январе 1921 года Пленум Центрального Комитета партии вновь занимался проблемами просвещения, создал комиссию во главе с Лениным для разработки проекта общей реорганизации Наркомпроса. 2 февраля 1921 года состоялось третье заседание этой комиссии. 11 февраля Совет Народных Комиссаров утвердил «Положение о Наркомпросе», и на его основе в течение 1921 года была проведена реорганизация наркомата.

Так еще в 1921 году по инициативе Владимира Ильича были заложены основы политехнизации советской школы.

Во время заседания Ленину передали записку секретаря, который спрашивал:

«Вы сегодня не сможете принять Соколова (член Сибревкома)? Говорит, что у него очень срочное дело, очень просит, звонит несколько раз в день».

Прочитав записку, Владимир Ильич подумал:

«Разговор с Соколовым необходим при всех условиях. Толковый, думающий человек».

Перевернув клочок бумаги, Ленин написал на обороте: «Хорошо. У меня сегодня

1) Кржижановский. На 1 час.

2) Потом Соколов. Возьмите телефон».

Василий Николаевич Соколов — профессиональный революционер. Ленин познакомился с ним впервые в 1906 году, когда приезжал нелегально в Москву.

Второй раз Соколов был у Ленина летом 1920 года по поручению Сибревкома.

Совсем иная встреча Соколова с Лениным теперь — 2 февраля 1921 года. Сиббюро и Сибревком отвергли предложение Соколова, обвинили его чуть ли не в контрреволюции. А он поехал в Москву и настойчиво добивается встречи с Лениным.

...Владимир Ильич прочитал докладную записку Соколова и с нетерпением ждал его самого. Когда Ленину передали записку с просьбой Соколова о встрече, Владимир Ильич, написав на ее обороте «Потом Соколов...», слово «потом» подчеркнул трижды. «Потом» — это не в последнюю очередь, — а на конец рабочего дня, когда никто не будет мешать их беседе. Ленин знал, что разговор будет долгим. Очень важную проблему ставил Соколов в своей докладной записке. Он подтверждал прав-

воту ленинских мыслей и планов, иллюстрировал их жизненными примерами Сибири.

Соколов указывал в своей записке, что объем продрозверстки в Сибири завышен. В 1920 году продотряды смогли собрать только 40 процентов хлеба от планового задания. А из числа собранного вывезли в центр меньше половины.

«...Сибирский хлеб сыромолотый, — писал Соколов. — Его молотили нередко со снегом... За отсутствием тары, помещений и зернохранилищ хлеб сваливали из мешков в колодцы (рубленные амбары) нередко со снегом».

Соколов сообщал, что хозяйственный крестьянин-сибиряк видел массовую порчу хлеба. У него сердце обливалось кровью: «У меня забрали и сгноили». А это вызывало еще большее сопротивление продрозверстке. И на этой почве возникали чуть ли не ежедневно то в одном, то в другом конце Сибири политические недоразумения с населением.

О своих наблюдениях Соколов рассказал партийным и советским руководителям Сибири и предложил установить твердую цифру изъятия хлеба для каждого хозяйства.

Предложение Соколова рассматривалось на объединенном и к тому же расширенном заседании Сиббюро и Сибревкома с приглашением на это заседание с мест всех продкомиссаров. Все предложения Соколова были отвергнуты.

Приветствуя Соколова, Владимир Ильич усадил гостя в кресло, сам сел напротив.

— Ну, что у вас в Сибири?

Соколов поспешил предупредить Ленина, что в отношении сибирских дел он имеет особое мнение, в результате чего оказался в одиночестве и даже изолированным...

— Ничего, рассказывайте.

Собираясь к Ленину, Соколов подчеркнул в копии своей докладной записки отдельные положения, написал в блокноте «план разговора». Но ободренный теплым приемом Ленина, Соколов отложил в сторону бумажки. Может быть, поэтому он повторялся, пересказывая содержание своей записки.

Слушая Соколова, Ленин хмурился, что-то записывал, не проронив ни слова, только подавал реплики: «Гм-гм...» или: «Вот, вот...»

Порой Владимир Ильич пристально смотрел на собеседника, прищурив один глаз.

Изложив все факты, Соколов закончил:

— Сейчас нужно готовиться к севу, и Сибирь надо сохра-

нить как продовольственную и сырьевую базу для центральной промышленной зоны. Крестьянину необходим хозяйственный стимул. Это даст возможность получать из Сибири еще больше хлеба. Некоторые товарищи боятся, что, мол, этак мы возродим кулачество. Этого не нужно бояться, так как теперь Советская власть достаточно сильна.

Ленин полистал докладную записку Соколова и сделал на ней пометку карандашом. Соколов продолжал:

— Возможно, уменьшать цифру разверстки не следует. Она для Сибири посильна. Но ее нужно объявить заранее, с весны. Надо сказать крестьянину, что после выполнения разверстки все излишки хлеба останутся в его личном распоряжении.

— А что думает об этом Сибревком? — спросил Ленин.

— Он против...

— Вы полагаете, что ваш план пригоден только для Сибири?

— Нет, Владимир Ильич, Сибирь — начало. И начало хорошее.

С Лениным легко было разговаривать. Мысли сами укладывались в нужные слова. Исчезла официальность и связанная с ней нервная настороженность. Шел задушевный разговор. Соколову казалось, что он пришел к давно знакомому, близкому человеку, и высказывал все, что думал, не опасаясь, что скажешь не так. Получился не доклад главе государства, а беседа с ним.

— Вы думаете, если объявить крестьянам заранее о планах разверстки, будут сеять больше?

— Несомненно. Таков хозяйственный инстинкт мужика...

— Что ж, может быть, и следует попробовать.

Соколова насторожил ответ Ленина и тон, каким он сказал: «Может быть, и следует попробовать». Странно. В начале беседы Владимир Ильич назвал доводы Соколова разумными. А сейчас... У Соколова не было ясности, какое решение примет Ленин. И только прощаясь, Владимир Ильич сказал:

— Сделайте доклад о ваших предложениях в Наркомземе. Поговорите с Цюрупой. Снесите по прямому проводу с Сибирью...

Соколов недоумевал, почему Ленин не принял никаких решений по его предложению? Почему он предлагает связаться с Сибирью, где проект был отвергнут и решительно осужден?

Ленин уловил недоумение Соколова и повторил:

— Снесите с Сибревкомом. Я получил сегодня телеграмму

о восстании в Ишимском уезде. Пусть пересмотрят ваш вопрос.

Соколов растерянно молчал.

— Напишите тезисы по Сибири. Не длинные. Внесите в ЦК. И проект постановления. Во вторник мы их рассмотрим. Дальше будет видно.

«Дальше будет видно, — подумал Соколов. — Значит, Владимир Ильич собирается вернуться к этой теме и еще сказать свое слово, принять решение, раз предложил подготовить проект постановления ЦК».

Соколов передал в Омск пожелание Ленина, чтобы Сибревком пересмотрел свое отношение к его, Соколова, проекту.

Председатель Сибревкома ответил коротко и сухо:

— Мы оставляем прежнее решение.

Недружелюбно встретили Соколова в Наркомземе. Предложения его были отклонены и в Наркомате продовольствия.

Соколов спрашивал себя: почему Ленин согласился с моими доводами и в то же время послал на явный провал?

Ответить на этот вопрос мог только Ленин. Но Соколов постеснялся беспокоить Владимира Ильича. И прежде чем вернуться в Омск, он решил до конца выполнить все поручения Ленина. Написал тезисы и проект постановления ЦК о землеустройстве и о продовольственном положении в Сибири, отпечатал документ в четырех экземплярах и отнес секретарю Центрального Комитета партии.

Через несколько дней, когда Соколов зашел в Центральный Комитет партии, секретарь сказал ему:

— А вы знаете, Владимир Ильич прочитал ваши тезисы и внес правку.

— Какую?

— Вот, посмотрите сами.

Соколов сразу заметил карандашную правку к третьему пункту. В проекте было написано:

«Разрешить добровольную передачу этих обстоятельств (целиком или частично) владельцам...»

Слово «обстоятельств» Ленин обвел карандашом, поставил рядом знак вопроса. На полях написал слово «излишков» и тоже поставил знак вопроса.

«Совершенно верное замечание. Конечно, речь шла об излишках хлеба, которые возникнут у крестьян после сдачи налога. Как же я допустил такую опечатку? Очень волновался», — подумал Соколов и спросил:

— А дальше что будет с моими тезисами?

— Пока ничего не могу сказать. Поживем — увидим...

Вскоре после того как Соколов уехал из Омска в Москву, к председателю Сибревкома пришел крестьянин Осип Иванович Чернов, «желая поговорить о продрозверстке». Слушая крестьянина, председатель понял, что это такой же «искатель правды», как и Соколов. Разница между ними лишь в том, что один — ученый, ответственный работник Наркомзема, член Сибревкома, а другой — простой крестьянин. Они друг друга не знают, а думают одинаково.

Отменять свое решение Сибревком не собирался, и председатель предложил старику:

— Валяй-ка и ты, дед, в Москву. Туда один сибиряк уже поехал.

О дальнейших событиях мы узнаем от самого Чернова, который назвал свой рассказ так:

«КАК Я, БЕСПАРТИЙНЫЙ КРЕСТЬЯНИН ИЗ СИБИРИ, БЫЛ У ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ».

«Я добрался до него из Сибири.

Добраться из Сибири простому крестьянину — не простая штука. Два месяца прошло, как я тронулся из дома, и два месяца я все искал пути добраться до Ленина.

Немало было курьезов в моем пути до Ленина. Но вот в феврале 1921 года, утром, я узнал, что меня примет Владимир Ильич в 1 час дня. За час иду в Совнарком: надо позвонить по телефону секретарше тов. Гляссер. Я звонить не умею, прошу дежурную барышню говорить за меня; все смеются, но любезно говорит за меня дежурная девица. И передает мне: быть обязательно полчаса первого; но я знаю, что мне еще надо добиться пропусков, смущен и взволнован.

Вот пропуск в Кремль, а потом в здание, а там еще и еще, летаю везде, как помешанный, в большой длинной шубе, но мои документы везде заставляют обращать на себя внимание, и я, наконец, на третьем этаже.

Встречает меня секретарь и спрашивает:

— Не вы ли Чернов?

— Да, я.

— Садитесь.

Наконец я немного успокоился, пришел в себя, собрался с мыслями. Сидел около 15 минут, которые мне очень помогли.

Наконец выходит еще секретарь, велит следовать за ней, и я очутился, очевидно, совсем недалеко от Ленина. Но вот, наконец, кто-то выходит от Владимира Ильича; предлагается заходить мне. Тут я был совсем спокоен и как сейчас помню: Владимир Ильич встал и шел ко мне навстречу, как к посетителю высокой важности. Приветливо поздоровался, спросил:

— Что из Сибири привезли новенького?

Я ему говорю:

— Изложил свои мысли на бумаге, и позвольте зачитать.

— Давайте, читайте, садитесь.

И мы с ним уселись — не напротив, а на конце стола: вполоборота он на меня глядел.

Когда я начал читать, то невольно как-то я наблюдал за ним, взглядывая на его лицо. Сперва оно как бы выдавало скуку, усталость, — надоели, мол, вы мне с докладами, — но по мере чтения его лицо стало весьма заметно меняться, левый глаз стал часто прищуриваться, и несколько порывисто он обращивался на меня, поглядит, прищурит глаз и опять, и к концу чтения я видел, что в этой голове решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недрожащей рукой.

Мой доклад был о замене разверстки налогом у нас, в Сибири.

Когда кончил читать, то он мне задает вопрос:

— Кто вы такой?

Я рассказываю, что из ссыльных каторжан, на каторгу попал за принадлежность к партии эсеров, но теперь себя считаю беспартийным, имею свое хозяйство в Сибири.

— Как вы понимаете прогрессивное обложение?

Я рассказываю. Немного как будто задумывается, молчит, потом, оборотясь ко мне:

— Согласны ли вы напечатать ваше письмо в газете?

— Согласен.

Еще спросил, где меня можно найти, чтобы вызвать, я ответил...

— Напишите на своей докладной добавление, как вы понимаете прогрессивное обложение и кто вы такой.

И мы встали, он меня проводил в канцелярию и заставил дать мне перо, чернил. Я сказал:

— Пером писать не умею.

Тогда он, смеясь, велел дать мне химический карандаш, и мы расстались.

Чем велик Ленин?

А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах.

Перед тем как к нему попасть, я со многими говорил, и мне многие говорили вот что: «Хоть ты и прав, а по-твоему все-таки не будет».

Все как бы говорило: повернуться колесу не время.

Но Владимир Ильич не похож на многих, его не сковывала теория, он хватал жизнь, события, революцию, направляя ее.

Он творил волю массы, как старший, он весь есть душа массы, богатая всеми изгибами...»

О своем единомышленнике Соколове крестьянин Чернов слышал еще в Омске. Ленин тоже сказал ему при встрече:

— В Москве сейчас находится ваш земляк — Василий Николаевич Соколов. Найдите его, потолкуйте.

Поначалу Чернову некогда было искать Соколова. И лишь в среду, 9 марта 1921 года, когда газета «Беднота» с письмом Осипа Чернова была развешена на улицах столицы, восторженный крестьянин отправился в гостиницу.

— Соколов уже уехал на вокзал, — ответили старику.

Чернов помчался на вокзал. Пока нашел сибирский поезд, бегал по вагонам, выкрикивая фамилию Соколова, часы торопливо отсчитывали время.

Встреча в вагоне между сибиряками-единомышленниками состоялась за несколько минут до отхода поезда. Им так и не удалось «потолковать» о важном и наболевшем, во имя чего они оба оказались в столице, встречались с Лениным. Чернов передал Соколову номер газеты «Беднота» и добавил:

— Здесь все сказано. Писано по поручению товарища Ленина...

Поезд тронулся в далекий путь. Соколов развернул «Бедноту», а в ней крупными буквами, во всю полосу написано:

«Не разверстка, а налог.

Почему крестьяне предпочитают налог?

Богатство крестьян — это богатство

Советской республики».

Ниже было напечатано письмо крестьянина Чернова «Я за налог».

На примерах своего села он доказывал выгоду налога и для крестьян и для государства.

Ниже была напечатана маленькая заметка, набранная жирным шрифтом:

«О введении налога.

Вопрос о замене продрозверстки процентным налогом будет обсуждаться на X Всероссийском съезде Коммунистической партии, который открылся вчера.

Разрешение вопроса последует на днях».

— Открылся съезд партии, — сказал вслух Соколов и подумал: «Вот теперь бы мне надо остаться в Москве...»

НОЧЬ

Владимир Ильич склонился над столом. Мягкий свет льется из-под зеленого абажура настольной лампы. В кабинете прохладно, пришлось набросить на плечи пальто.

Ленин перечитывает документ о продовольственных и военных перевозках с Кавказа. По этому вопросу уже принято сегодня постановление Политбюро Центрального Комитета партии.

Еще раз прочитал письмо, написанное им в этот день директору недавно созданного Института К. Маркса и Ф. Энгельса при Социалистической академии Д. Б. Рязанову. Владимир Ильич просил сообщить, как собирается и хранится литературное наследие Маркса и Энгельса, составлен ли каталог всего собранного в библиотеке института. Нельзя ли приобрести за границей новые документы, скупить все, в крайнем случае — добыть фотокопии.

Ленин давно мечтал собрать воедино литературное наследие Маркса и Энгельса.

«Инженер Ружичка», — прочел Ленин на очередном документе. И тут же вспомнил стройного, тщательно выбритого, с белоснежным гуттаперчевым воротничком чеха-электрика, приходившего сегодня вместе с Г. М. Кржижановским.

«Ружичку надо привлечь к составлению плана ГОЭЛРО, послать за границу для изучения опыта», — подумал Владимир Ильич и записал в блокноте: пригласить Ружичку для беседы.

Затем Ленин подписал постановление Совнаркома и ВЦИКа о борьбе с дезертирством, постановления Совнаркома «О польских военнопленных», «Об отпуске в распоряжение ревкома ав-

тономной Вотской области аванса в 1 500 000 000 рублей на первое полугодие 1921 года».

Трудно предполагать, о чем задумался Владимир Ильич, сидя один в своем рабочем кабинете. Профсоюзная дискуссия очень тревожила Ленина. Может быть, в тот вечер он подумал: «Партия больна, партию треплет лихорадка, ее единство опять под угрозой.»

Ленин всегда настойчиво и непримиримо отстаивал единство партии. «Вся жизнь Ленина, — писала Надежда Константиновна Крупская, — неразрывно связана с историей партии. Он создал партию и в течение десятка лет вел трудную работу по собиранию партии, по объединению отдельных кружков революционеров... Не учесть, сколько времени, сколько бессонных ночей потратил Ленин на обдумывание того, по какому пути надо идти партии... С теми членами партии, которые хотели свернуть партию с верного пути, которые забывали великие цели, стоящие перед партией пролетариата, которые падали духом или зарывались, тащили партию в болото или на край пропасти, Ленин вел всегда бешеную, непримиримую борьбу».

Позади то время, когда партия оказывалась в меньшинстве. Она выстояла, она победила. И вот теперь, на четвертом году существования народной власти — раскол внутри партии.

В письменных и устных выступлениях Ленин убеждал, что управлять страной, руководить миллионными массами в социалистическом строительстве можно лишь при непрременном условии — единстве партии, ее идеологической выдержанности, железной дисциплине в ее рядах, нетерпимости к оппортунистическим шатаниям и фракционности.

На X съезде партии (в марте 1921 года), характеризуя обстановку в партии и в стране, В. И. Ленин скажет:

«Мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!»

«Вы, товарищи, не можете не знать, что все наши враги, — а имя им легион, — во всех своих бесчисленных заграничных органах повторяют и развивают ту же стоустую и тысячеустую молву, которую наши буржуазные и мелкобуржуазные враги распространяют здесь, внутри Советской республики, а именно: если дискуссия — значит споры, если споры — значит раздоры,

если раздоры — значит коммунисты ослабели: напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением! Это сделалось лозунгом враждебного нам мира».

В речи при закрытии съезда Владимир Ильич познакомит делегатов с потоком фантастических измышлений западноевропейской печати о восстаниях в Советской России, о победе контрреволюции, о бегстве Ленина в Крым, о неоднократном убийстве Ленина, о белом флаге над Кремлем, о крови на улицах Петрограда и Москвы, баррикадах там же, о переходе конницы Буденного на сторону бунтовщиков, о победе контрреволюции в целом ряде русских городов...

Ленин скажет делегатам: «Пускай они ведут свою кампанию, мы бросили взгляд на нее и точно знаем меру наших разногласий, и мы знаем, что, сплотившись на этом съезде, мы действительно выйдем из наших разногласий абсолютно едиными и с партией, более закаленной, которая пойдет к все более и более решительным международным победам!»

Все это скажет В. И. Ленин потом, на съезде, который примет подавляющим большинством голосов резолюцию о единстве партии, о синдикалистском и анархистском уклоне в партии, а сейчас он думает, как выстоять, как сохранить единство партии, сохранить Советское государство. Готовясь к X съезду партии, В. И. Ленин запишет в своих заметках фразу: «Во что бы то ни стало вырвать корни фракционности...»

На этот раз Ленин не взял с собой никаких бумаг. Выключил свет и ушел. За дверью встретился взглядом с часовым. Чуть было не пожелал ему спокойной ночи, но часовому спать нельзя.

— Спокойной ночи, Владимир Ильич! — сказал часовой.

— Спасибо, товарищ. А вам желаю бодрости!

13 коп.